АДКРЫТАЕ ГРАМАДСТВА

В НОМЕРЕ | IN THE ISSUE

Впервые проблема соотношения научного прогресса, политической демократии и нравственности была поднята более двухсот лет тому назад. Ответы, в зависимости от мировоззрения авторов, были самые различные. Некоторые из них — оптимисты-просветители — верили в созидательную силу научного и технического прогресса. Они считали, что улучшение условий труда и быта автоматически приведёт к гуманизации отношений между людьми, поскольку основные потребности человека — крыша над головой, еда, жильё и т.п. — будут худо-бедно удовлетворены. А в сочетании с постепенным упрочением и расширением элементов представительной демократии вражда, ненависть, агрессия, зависть, воровство, ложь и произвол если и не исчезнут совсем, то, по крайней мере, не будут определять социальный климат в обществе, и человечество сможет наконец-то избавиться от разрушительных войн, приносящих не только материальный урон, но и приводящих к падению нравственных основ общества.

Первым объективным свидетельством отсутствия прямой связи между прогрессом науки, избирательным правом и состоянием нравственности явилась Французская революция, названная впоследствии, вероятно, по недоразумению, Великой. По числу безвинно убитых и погибших она с лихвой превзошла все случавшиеся до этого военные конфликты и войны, эпидемии и стихийные бедствия. Это даёт основание утверждать, что не внешне привлекательные лозунги «Свобода, равенство и братство» стали истинными символами революции, а гильотина и воцарившаяся на долгие годы так называемая революционная целесообразность, в сравнении с которыми феодальные войны и произвол сумасбродных монархов выглядят просто детскими забавами. Казалось бы, после этого потрясения идеи быстрого переустройства мира канут в Лету, а революционный террор якобинцев войдёт в историю в качестве назидательного примера, наглядно показывающего грядущим поколениям, какую опасность для общества представляют слова и дела новоявленных самонадеянных спасителей грешного земного мира. Но не успела Франция отойти от якобинского кошмара, как уже в 1796 году в этой же самой стране (!) появился новый пророк — Гракх Бабёф с его «заговором равных», требующим установления «истинной диктатуры».

С той поры число желающих переустроить мир стало расти с невероятной быстротой. Появилось бесчисленное количество так называемых социалистов-утопистов, некоторые из которых (к счастью, без применения насилия) безуспешно пытались реализовать свои идеи на практике. В 40-е годы XIX века появились новые пророки социализма — Карл Маркс и Фридрих Энгельс, назвавшие своё учение научным. Они подвергли уничижительной критике не только взгляды всех своих идейных предшественников, но и все другие философские объяснения мира, и решили изменить его с помощью ничего не подозревающего пролетариата. К счастью, в Европе, уже испытавшей на себе последствия подобного рода идей, очень настороженно отнеслись к напыщенным и самоуверенным догматам марксизма, и случилось так, что благодаря кипучей деятельности российских эпигонов научного социализма Россия стала в начале XX века полигоном для проведения широкомасштабного коммунистического эксперимента, принесшего неисчислимые бедствия не только русскому, но и другим народам Российской империи. Последствия так называемой Великой Октябрьской социалистической революции испытала на себе не только Европа, но и другие страны мира. Естественное, органическое развитие вначале России, а затем и многих других стран на длительное время было прервано.

Цинизм новоявленных экспериментаторов не может не поражать. Для них человек превратился в простое средство достижения цели. Известный американский журналист Джон Рид в своей книге «10 дней, которые потрясли мир» приводит фразу Ленина, из которой следует, что вождь революции хорошо понимал неправомерность затеянного им и его сподвижниками дела: «Если бы мы надеялись только на культурный уровень нашего народа, то нам пришлось

ждать 500 лет и более». После захвата власти большевиками в Октябре 1917 года «самый человечный человек» не гнушался лично подписывать приказы и отдавать распоряжения о ликвидации тысяч и тысяч своих сограждан, виновных только лишь в том, что они по своей природной простоте оказались на порядок мудрее многих большевистских умников и не пожелали верить в сказки о будущем коммунистическом рае и тем более поддерживать способы и методы его достижения.

Как своеобразная реакция на коммунистический эксперимент, затеянный большевиками в России, в 20-е годы возник фашизм — ещё одна идеология, претендующая на истину в последней инстанции и, подобно большевикам, также присвоившая себе право железной рукой вести людей в свой собственный нацистский рай. В 1934 году, после убийства С.М. Кирова, лауреат Нобелевской премии академик И.П. Павлов в письме, которое он направил большевистским вождям, пророчески написал, что «до Вашей революции фашизма не было». Несмотря на взаимную вражду нацистов и большевиков, они оказались достойны друг друга: на совести и одних, и других миллионы загубленных человеческих жизней, концлагеря, душегубки и газовые печи. И фашисты, и коммунисты патологически ненавидели демократию и демократов, рынок и рыночные отношения, одинаково ревностно исповедовали культ государства и слепое подчинение вождю, а право заменили принципом целесообразности.

В определённом смысле фашизму «не повезло» — после военного поражения он был осуждён на Нюрнбергском процессе. Коммунизм оказался в числе победителей, и это отодвинуло на неопределённый срок судебный процесс над ним самим. Трудно поверить, но факт остаётся фактом — сегодня именно в России, Беларуси и Германии (прежде всего в Восточной), т. е. странах, наиболее пострадавших от фашизма и коммунизма, вновь поднимают голову сторонники этих или близких к ним идеологий.

Изменяется ли природа человека одновременно с техническим и научным прогрессом, падает или возрастает моральность рода человеческого — однозначно сказать нельзя. Ясно одно: проходимцам и пройдохам, жаждущими всей полноты власти и стремящимися осчастливить всё человечество одним махом, наука даёт в руки всё более усовершенствованные орудия уничтожения людей. Именно поэтому демократы и просто честные граждане должны быть как никогда бдительными, неравнодушными и помнить, что если сегодня они не дадут отпор различного рода фашиствующим элементам, коммунистам, популистам и диктаторам, может случиться так, что завтра это уже поздно будет сделать.

Михаил ПЛИСКО,
главный редактор бюллетеня «Адкрытае грамадства»

Станислав БОГДАНКЕВИЧ,
председатель Объединенной гражданской партии,
профессор

БЕЛОРУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

История предоставила белорусам шанс создать независимое демократическое правовое государство. Сегодня для граждан этого государства нет большей ценности, чем их общий дом под названием Республика Беларусь. **В закреплении полного суверенитета государства и праве нашего народа распоряжаться своей судьбой, в возрождении его духовно-нравственных устоев и расцвете национальной культуры, в формировании процветающего гражданского общества и демократического правового государства, высшей целью которого было бы обеспечение прав и свобод своих граждан, а также их достойного уровня жизни, и состоит, по нашему глубокому убеждению, суть Белорусской национальной идеи!**

Трагедия состоит в том, что сегодня белорусское общество оказалось не в состоянии выражать свою волю. В результате государственного переворота 24 ноября 1996 г. в стране установлена президентская диктатура и судьбу десятимиллионного народа определяет диктатор. Подписанные в Москве соглашения о создании белорусско-российского «союзного государства» могут стать началом ликвидации суверенитета Беларуси. А. Лукашенко ради удовлетворения личных интересов и собственных политических амбиций готов пожертвовать судьбой целого народа. В стране нет реально действующих демократических представительных институтов, с помощью которых население могло бы отстаивать свои интересы. В рамках нынешнего режима никакое свободное волеизъявление народа невозможно.

Российское руководство, прекрасно осведомленное о положении с демократией в Беларуси, тем не менее стремится воспользоваться ситуацией и фактически инкорпорировать соседнее государство. Это нельзя расценить иначе, как реанимацию агрессивной имперской политики.

Конкретные положения нашего понимания национальной идеи провозглашены в первых двух разделах Конституции страны. Важнейшие из них: демократическая форма правления, основанная на принципе власти закона, защиты прав человека и основных свобод; превращение Беларуси в нейтральное государство, а ее территории — в безъядерную зону; разделение и самостоятельность законодательной, исполнительной и судебной властей, создание системы сдержек и противовесов, которые препятствовали бы монополизации власти у одной из ее ветвей; приоритет общепризнанных принципов международного права; развитие и укрепление плюралистической парламентской демократии; недопустимость существования монополии правительства, политических партий, частных предприятий или отдельных лиц на СМИ; гарантия свободы собраний, митингов, уличных шествий и пикетирования, а также средств массовой информации; свободное объединение граждан в политические партии и общественные объединения, которым гарантируется доступ к государственным СМИ; равные права и равные условия для развития всех форм собственности; гарантия каждому права собственности.

Даже простое перечисление этих конституционных положений показывает, как далеко мы отстоим от реализации национальной идеи, в основании которой лежали бы вышеперечисленные общеевропейские ценности.

Социологические опросы свидетельствуют об утробном состоянии нашего общества, крайней его неразвитости. Многомерная политическая структура белорусского общества не сформирована. Как свидетельствует опыт демократических стран, нормальное гражданское общество и демократия базируются на деятельности различных политических и гражданских институтов, прежде всего политических партий и общественных объединений, предприятий негосударственных форм собственности, культурных, потребительских и других сообществ. Посредством этих институтов обеспечивается объединение граждан на базе тех или иных политических идеологий, платформ, взглядов. Однако в Беларуси более половины населения не определилось в своем отношении к политическим партиям и движениям, к их идеологиям, платформам, экономическим программам. Президентская «вертикаль» делает все возможное, чтобы не дать белорусскому народу структурироваться на основе институтов, отражающих его интересы и потребности, поддерживает иллюзорные надежды на иждивенчество, на патерналистскую роль государства, поощряет гражданскую и политическую пассивность, неучастие в активной общественной и политической деятельности, в выборах как в законодательные, так и местные органы власти. Посредством монополии на телевидение, радио и массовые газеты насаждаются давно опровергнутые историей идеи уравнительной справедливости и мифы, будто у белорусского народа есть лишь один достойный руководитель — А. Лукашенко, другие «обманут»; что есть лишь одна концепция социально-экономического развития страны — разработанная А. Лукашенко, а каких-либо достойных альтернативных концепций и экономических программ в природе не существует; что избранный А.Лукашенко политический и экономический курс является единственно правильным, а низкие зарплата и пенсии, растущие цены и обнищание народа не от невежественного руководства страной, отсутствия реформ и других глубинных политико-экономических причин, а от происков многочисленных внешних и внутренних врагов, которых президент постоянно разоблачает.

В силу ряда известных субъективных и объективных факторов наша страна все еще стоит перед исторической дилеммой, которая может рассматриваться как традиционная: Восток — Запад. Схематично это представляет собой выбор между принципами европейской и азиатской социальных систем. «Лукашенковским» социально- экономическим реалиям Беларуси более соответствует азиатский способ производства, основанный на доминировании административной власти и ее неразделимости с собственностью, на экономическом и политическом господстве бюрократии. Именно власть здесь главное.

Основной признак и краеугольный камень европейской системы — свободная от государства частная собственность, свободный рынок, примат гражданского общества над государством. «Становой хребет» европейской цивилизации — «священное право частной собственности». Никакие бури в лице «марксизма»-социализма, «коммунизма»-большевизма, «фашизма»-нацизма не сумели разрушить корни европейской цивилизации, потому что среди цивилизаций, функционировавших в последние века на исторической сцене, западная оказалась наиболее эффективной, обеспечила высокий уровень благосостояния и свобод населению. Независимая Беларусь может и должна создать у себя европейское гражданское общество, поставить на службу обществу государство, а не наоборот. Наше будущее — на пути к рыночной экономике и западной социальной системе с ее непреходящими общественными ценностями, прежде всего такими как свобода и права человека, демократия, децентрализация и разделение властей, независимость средств массовой информации, гражданское общество, свободное предпринимательство, верховенство закона.

Лукашенковский курс на единение с Россией контрпродуктивен. Россия сегодня находится на обочине цивилизации. Без экономической помощи Запада ее экономика обречена на деградирование. История последних лет свидетельствует, что российская элита не в состоянии отказаться от своего имперского мышления и блокового мировоззрения, в основе которого лежит тезис об изначальной враждебности западной цивилизации по отношению к православно-славянской.

Мы — европейцы. Наше будущее — не в превращении своей страны в западный форпост обнищавшей и раздираемой внутренними противоречиями олигархической России, а в самостоятельном развитии, в постепенной интеграции в цивилизованное европейское сообщество при безусловном сохранении, на условиях свободной рыночной торговли, тесных экономических отношений с Россией, дружбы с её великим народом.

Реализация национальной идеи предполага-

ет государственную поддержку национальной культуры, восстановление исторической национальной символики и реального утверждения белорусского языка в качестве государственного; максимальную децентрализацию власти, законодательное закрепление местной автономии, включая выборность местных глав администраций; предоставление оппозиции статуса, позволяющего ей играть ответственную и конструктивную роль; очищение власти от коррупционеров и проведение открытой, нравственной, подлинно национальной внутренней и внешней политики; создание условий для достойной жизни всех наших граждан с помощью социально ориентированной рыночной экономики.

Сегодня главным препятствием для реализации национальной идеи является авторитарный режим президента Лукашенко. Этот режим опирается на многочисленные силовые структуры, а также часть нашего населения, ностальгирующего по прошлому, главным образом пенсионеров и ортодоксальных коммунистов. Основной социальной опорой правящего режима является та часть общества, физическое выживание которой зависит от доброй или злой воли этого режима. Без ликвидации огромной экономической и внеэкономической зависимости людей от власти президентских чиновников трудно рассчитывать на формирование гражданского общества, восстановление конституционной законности, демократии и подлинного народовластия. В то же время нельзя преуменьшать значение факторов и сил, объективно работающих на прогресс общественно-политического и правового сознания белорусского народа, в том числе и на увеличение числа тех, кто был вынужден и научился сам обустраивать свою жизнь и жизнь своих близких.

У режима Лукашенко нет исторической перспективы. Однако и у демократической оппозиции, в связи с антиконституционным упразднением Верховного Совета и введением де-факто авторитарной Конституции, отсутствуют иные пути отстранения от власти этого режима, кроме как демократизация общественной жизни и победа на выборах.

Для страны с неустоявшейся демократией, какой является Республика Беларусь, особое значение имеет строгое законодательное обеспечение выборных кампаний, максимально ограничивающее возможности неконтролируемого влияния исполнительной «партии власти» на итоги выборов, их фальсификации. Справедливость и легитимность избирательного законодательства не должна вызывать сомнений как у власти, так и у оппозиции.

Свободные, справедливые и равные выборы предполагают обеспечение широкого доступа всех политических сил к государственным СМИ, формирование центральной, территориальных, окружных и участковых комиссий на паритетных началах всеми политическими силами с последующим утверждением представительными органами власти, свободная без ограничений реализация конституционного права граждан избирать и быть избранными, исключение возможности внесудебной отмены решения о выдвижении кандидата, организация общественного контроля за выборами, включая обязательную выдачу наблюдателям копий протоколов об итогах голосования, предельное ограничение посредством избирательной процедуры досрочного голосования и голосования с помощью переносных урн, возможность создания партийных (либо индивидуальных) избирательных фондов кандидатов в разумных пределах.

Сегодняшняя Беларусь не изолирована железным занавесом от цивилизованного мира. Власть Лукашенко не приняла ортодоксальных диктаторских форм, характерных для бывшего коммунистического СССР. Элементы демократии и информационной свободы, хотя и в крайне ограниченных объемах, все еще сохранились. Прозрению народа способствуют также результаты деятельности Лукашенко: падение уровня жизни, галопирующий рост цен, обесценение рубля и денежных вкладов. В этих условиях его поддержка населением не может не сокращаться. В этой связи не разделяю пессимизма части оппозиции, находящейся в плену пропаганды о всенародной поддержке классического популиста Лукашенко, не отличающегося ни богатым интеллектом, ни образованностью, ни культурой, о его будто бы непобедимости на свободных выборах. Время работает против установленного в стране авторитарного режима. Он обречен. Допускает все больше крупных политических и экономических ошибок. Находится в глубокой внутренней и международной изоляции. Все более теряет поддержку не только среди интеллигенции, чиновничества, деловых людей и молодежи, но и среди ностальгирующих по прошлому ветеранов и сельского населения. Мне представляется ничем не обоснованным, ошибочным и даже вредным тезис об уникальности нашего народа и ситуации в Беларуси, об отсутствии у нашего «зомбированного» населения здравого смысла, о его неспособности подняться над своими заблуждениями, оценить собственные политические ошибки, о готовности и дальше поддерживать лишь харизматических популистов типа Лукашенко.

Отсюда следует, что главной задачей всех оппозиционных нынешнему тоталитарному режиму демократов должна стать мобилизация сил на решение проблемы демократизации страны, восстановления основных конституционных прав и свобод граждан, политических партий и общественных объединений, и прежде всего создания условий для проведения в стране свободных демократических выборов во все легальные органы власти. В этом плане мы всемерно поддерживаем политическую акцию Верховного Совета, объявившего о назначении на 16 мая 1999 года выборов нового Президента страны. По данным национального опроса, проведенного НИСЭПИ в октябре 1998г., лишь 21,6% граждан было согласно с продлением президентских полномочий Лукашенко без выборов еще на два года — до 2001 года. Это абсолютное меньшинство электората. Очевидно, что проведение этой акции способно усилить политическую активность населения, поднять его на борьбу за восстановление своих неотъемлемых прав и свобод. В связи с противодействием со стороны Лукашенко проведению таких выборов, его режим в глазах как белорусской, так и международной общественности станет де-юре не легитимным. С июля с.г. нынешний президент окажется вне закона. Для Лукашенко союз с Россией — это последняя попытка удержаться у власти и избежать ответственности за содеянное. Возможно, лучшим выходом из кризиса в условиях установившейся в стране диктатуры было бы достижение конституционного соглашения хотя бы по одному вопросу — о проведении свободных и справедливых выборов Президента страны. Однако это невозможно без всенародного давления на диктаторский режим при активной поддержке международной общественности. Решение отстраненного от реальной власти Верховного Совета об объявлении выборов президента в конституционный срок — важная составляющая борьбы за демократию и восстановление законной власти в стране.

Сегодня количественно и качественно протестный электорат, безусловно, превосходит электорат власти. Мы убеждены, что при условии создания общего избирательного блока демократических сил, в который вошли бы ведущие политические партии, профессиональные союзы, молодежные и женские организации, а также различные общественные объединения и неправительственные организации, при поддержке европейского сообщества и демократической общественности России, у оппозиции есть шанс добиться от режима Лукашенко **реального гарантирования белорусскому народу права на свободный выбор своего дальнейшего пути.** Победа на президентских выборах кандидата от демократической оппозиции означала бы восстановление в стране Конституции 1994 года, демократии и верховенства закона.

Сегодня мы должны заявить о консолидации, направить усилия на создание общего Избирательного блока, выдвижения командного кандидата в президенты на базе согласованной платформы и программы. На роль такого кандидата ОГП предложила Геннадия Карпенко, известного в стране политика: в прошлом — директора крупного завода, мэра г. Молодечно, лауреата государственной премии, сегодня — заместителя председателя Верховного Совета, члена-корреспондента Национальной академии наук. Убежден, что протестный электорат мог бы поддержать этого командного кандидата. Не менее достойной является кандидатура бывшего премьер-министра страны Михаила Чигиря. Убежден в возможности объединения политических сил, стоящих за этими и другими политиками. У белорусского народа немало подготовленных государственных деятелей, способных создать эффективную команду для вывода страны из пучины конституционного, государственного и социально-экономического кризиса, возврата на столбовую дорогу цивилизации. Обязанность демократических сил — определиться с единой командой на базе согла-

сованной платформы и экономической программы.

В условиях диктатуры у оппозиции отсутствует возможность диалога с собственным народом. В этих условиях выборы, в том числе и назначаемые нелегитимной властью, дают демократам уникальную возможность легального доступа к электорату и, что еще важнее, доступа самого электората к политическому процессу, возможность осуществить свои права на свободу выражения мнений и убеждений, свободу собраний и митингов. По данным НИСЭПИ, чувство ущемлённости, изоляции от политического процесса владеет сегодня не только оппозицией, но и широкими слоями общества. Так, 76,4% опрошенных считает, что в стране не соблюдается право на свободу мнений, убеждений и их выражения, 68,2% — на свободу собраний, митингов и шествий, 58,4% — на право избирать и быть избранными в органы власти. Поэтому не воспользоваться выборами как возможностью доступа оппозиции к обществу, а общества к политическому процессу было бы не просто политической ошибкой, но упущенным шансом для всех приверженцев демократии.

По мнению ОГП, бойкот выборов в законные органы власти, даже если они назначаются нелегитимной властью, — крайняя мера. Главное для страны — чтобы выбор народа был свободным, гарантированным от фальсификации. Однако в условиях, когда правящий режим еще задолго до выборов отстранил наиболее политически активную часть общества от участия в выборах, Объединенная гражданская партия вынуждена была принять решение о своем неучастии в выборах в местные Советы. В то же время ОГП намерена всемерно использовать предоставляющиеся возможности для распространения идей демократии, свободы и рыночных преобразований.

В заключение позвольте выразить уверенность, что белорусский народ в состоянии реализовать свою национальную идею, защитить свою государственность и свободу.

Жыве Беларусь!

Текст выступления профессора С.А. Богданкевича на II Конгрессе демократических сил, проходившем в Минске 29-30 января 1999 года.

Валерий КАРБАЛЕВИЧ,
кандидат исторических наук

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (1988-1996гг.)

1. Европа 80-90-хх гг. — время геополитических перемен

Распад советского блока, крах коммунистической системы стал огромным социальным и геополитическим катаклизмом, еще до конца не осознанным современниками. По своим историческим последствиям его можно сравнить с «великим переселением народов» в I тысячелетии н.э. На обломках СССР и «мировой системы социализма» возникли новые государственные образования. И на уровне массового сознания, и на уровне политической элиты процесс осознания государственной самостоятельности идет очень болезненно, сопровождается острыми конфликтами как политического (Беларусь, Украина), так и этнического характера (Эстония, Латвия).

Трудной оказалась проблема определения, артикуляции национальных интересов. Сложность в решении этой задачи для каждой посткоммунистической страны в значительной мере обусловлена тем, что несколько самостоятельных процессов наложились один на другой. Во-первых, создание новых независимых государств или обретение странами Центральной Европы подлинной независимости, необходимость заново, с нуля, формулировать концепцию национальной безопасности и внешней политики. Во-вторых, трансформация общественно-политической системы, переход от тоталитаризма к демократии. В-третьих, кардинальное изменение геополитической ситуации в Европе и мире, распад Варшавского договора и СЭВ, принципиальная корректировка задач и функций НАТО, создание новых экономических, военно-политических союзов.

Естественно, что процесс осознания и формулирования названными странами собственных национальных интересов находится в начальной стадии, носит незавершенный характер. Это особенно верно в отношении Беларуси, которая выпадает из тех трансформационных тенденций, которые происходят в посткоммунистических государствах Европы.

Национальные интересы являются одним из базовых понятий в политике. Они рассматриваются как осознание и выражение потребностей народа. Для реализации интересов им необходимо придать форму целей, соответствующих средств и методов их практического осуществления. Важнейшей формой выражения разнообразных общественных, национальных, государственных интересов является политика.

В стране, где сформировано гражданское общество, население консолидировано на основе общепризнанных ценностей, национальный интерес тождественен государственному и выражается государством. Он является как бы результирующим вектором всех групповых интересов общества. Национальный интерес выражает коренные потребности народа в выживании, самосохранении, утверждении их в отношениях с другими нациями, обеспечении безопасности, сохранении суверенитета и территориальной целостности.

Национальные интересы можно классифицировать: разделить на главные, которые являются неизменными, устойчивыми, и второстепенные, специфические, которые могут меняться. Главные интересы состоят в защите территориальной, материальной, политической и культурной целостности государства, его выживании. Поэтому они не могут быть предметом компромисса или политического торга и должны защищаться любыми средствами: военными, экономическими, дипломатическими, идеологическими. Одним из главных интересов является сохранение политической независимости государства. Второстепенные интересы охватывают отдельные, относительно час-

тные сферы жизнедеятельности государства. Они находятся в зависимости от главных и подчинены им.

Политика государства (как внутренняя, так и внешняя) определяется тремя группами факторов: объективными историческими, геополитическими, социально-экономическими условиями; потребностями и задачами, вставшими перед страной в данный исторический период; характером и природой политической власти.

Внутренняя и внешняя политика любого государства многовариантна. Правильное понимание государственного интереса и выбор оптимального варианта — сложная политическая проблема во все времена. Ошибочный выбор влечет за собой невосполнимые потери и может привести к трагическим последствиям для государства и народа. Величие государственных деятелей состоит в способности правильно определить, сформулировать государственный интерес, заручиться поддержкой народа и добиваться неуклонного осуществления поставленных задач.

2. Особенности достижения государственной независимости

К началу XX в. формирование белорусской нации оказалось незавершенным. Тенденция национальной консолидации и противоположная тенденция русификации белорусов развивались одновременно и находились как бы в равновесии. Неопределенность самоидентификации народа создавала условия для различных вариантов его развития в зависимости от геополитической ситуации.

Вхождение белорусского народа в состав СССР в рамках БССР не избавили его от состояния национальной неопределенности. Две названные выше противоположные тенденции продолжали развиваться в несколько модифицированном виде. С одной стороны, осуществлялась форсированная русификация и «советизация» белорусского общества. В ходе быстрой урбанизации разрушался очаг своеобразной народной культуры и белорусского языка в деревне. С другой стороны, сам факт существования БССР как бы фиксировал существование белорусского этноса на государственном уровне, воздействовал на самосознание и способствовал национально-государственной самоидентификации граждан. Эта противоречивость и двусмысленность этнического самосознания оказала существенное влияние на все социальные процессы в Беларуси.

Как известно, артикуляцию национальных интересов может осуществить национальная элита. В условиях классического тоталитаризма времен Сталина любая попытка заявить о каких-либо особых интересах в социальной, национальной, региональной или религиозной сфере рассматривалась как действие, враждебное существующему общественному строю, и беспощадно пресекалась. Лишь с началом «оттепели», в середине 50-х г.г., в СССР появилась возможность осознания и формулирования зачатков особых интересов белорусской партийно-государственной элиты. В 1956 г. во главе КП Беларуси впервые встал белорус по национальности — К.Мазуров.

В 60-80-е гг. («период застоя») в Советском Союзе по мере ослабления кремлевского единоцентрия происходила дальнейшая децентрализация государственного управления. В ряде регионов страны (Грузия, Узбекистан, Кубань) сложились в значительной мере автономные своего рода «удельные княжества». Определенную самостоятельность получила и партийно-государственная номенклатура Беларуси. Но отличие белорусской элиты от других состояло в том, что она была более искренне советская, пытавшаяся на практике реализовать официально декларированные цели и принципы КПСС. Еще Хрущев говорил, что из всех республик СССР Беларусь первой придет к коммунизму.

Из около 2000 памятников Ленину, насчитывавшихся в СССР, 502 (или каждый четвертый) находились на территории Беларуси. По числу монументов вождю на душу населения республика являлась мировым лидером — один Ленин на 200 тыс. жителей (Знамя Юности, 6 августа 1994 г.). Все памятники стоят до сих пор.

Если в СССР в целом, как и во всех европейских странах советского блока, к середине 80-х гг. общественная система исчерпала себя и оказалась в состоянии кризиса, то в Беларуси ситуация была иная. Здесь существовавшая система к этому времени не выработала свой ресурс, имела еще определенный запас прочности и могла какое-то время сравнительно эффективно функционировать. Это объяснялось комплексом причин.

Беларусь в СССР была как бы витриной существующей системы, во всех сферах жизни демонстрировавшей «преимущества» социализма. В экономическом плане она развивалась довольно успешно. Беларусь была сборочным цехом СССР. Здесь были сосредоточены наиболее передовые производства. В республике производилось 30% электронно-вычислительной техники и 23% радиопромышленной аппаратуры Союза, а также находились ведущие в стране предприятия сельскохозяйственного машиностроения и автомобилестроения. Причем все это было создано после войны, практически на протяжении жизни одного поколения (до войны здесь тяжелая промышленность была в зачаточном состоянии), что на практике иллюстрировало тезис об ускоренном развитии национальных окраин при социализме. Сюда в первую очередь направлялось современное импортное оборудование.

Уровень сельскохозяйственного производства, особенно в Гродненской и Брестской областях, был одним из самых высоких в СССР. По производству мяса и молока на душу населения Беларусь почти достигла европейского уровня, что позволяло снабжать продуктами питания собственное население в таком количестве, о котором не могли мечтать большинство граждан СССР. Колбаса — символ благополучия в Советском Союзе — появлялась в магазинах значительно чаще.

В социально-политическом смысле система также действовала без особых сбоев. Более высокий уровень жизни определялся не столько количеством, сколько качеством. Здесь не было такой коррупции, как в Москве, Закавказье или Средней Азии. На фоне прогрессирующего в Московском руководстве старческого маразма во главе Беларуси стоял популярный среди народа, энергичный, с зажигательной речью, «романтический сталинист» (по выражению А.Адамовича) П.Машеров. Сохранялась вера населения в справедливость существовавших институтов власти. В Беларуси, в отличие от соседних республик СССР, не было диссидентов.

Белорусские руководители в большей степени, чем руководство других республик, в своей деятельности отдавали предпочтение общесоюзным интересам. Так, например, в 1981-1985 гг. прирост производительности труда в Беларуси составил 21 %, а на Украине — 15 %, в сельском хозяйстве — соответственно 42 и 21, в строительстве — 22 и 15 %. В то же время реальные доходы населения за этот период в Беларуси выросли на 13 %, а на Украине — на 14 % (Правда, 13 июля 1988 г.).

После Чернобыльской катастрофы руководство Беларуси, в отличие от украинского, отказалось от финансовой помощи из Центра, заявив, что справится своими силами.

Тем не менее белорусская партийно-государственная элита на начальном этапе перестройки, который можно назвать периодом «номенклатурной демократии», активно поддерживала процесс реформ. Она была заинтересована в децентрализации управления, перераспределении властных полномочий между Центром и регионами в пользу последних. Но распространять демократию дальше, передавать экономическую и политическую власть непосредственно хозяйственным субъектам и народу номенклатура не хотела. Поэтому период «демократии снизу» она встретила в штыки. Еще более напугали белорусскую элиту начавшиеся процессы национального возрождения.

Банкротство социалистических идеалов создало идейный, мировоззренческий вакуум в общественном сознании. Возникла необходимость в новой идеологии, заменяющей старую. Самой понятной и доступной идеей оказалась национальная. Поэтому основной ударной силой, которая раскачала, а затем и разломала тоталитарный режим в СССР, были национальные движения. Идеология антикоммунизма приобрела национальную окраску. Именно те регионы, где идея национального возрождения получила наибольшее влияние, первыми начали демонтировать коммунистический режим: Прибалтика, Грузия, Армения, Молдова, Западная Украина. Даже в РСФСР блок «Демократическая Россия» во главе с Ельциным победил на выборах под лозунгом суверенитета России.

В Беларуси также начались аналогичные процессы. Впервые формулирование белорусских национальных интересов как отличных от интересов СССР было сделано Белорусским народным фронтом «Возрождение» (БНФ). 19

октября 1988 г. был создан оргкомитет по созданию новой организации. В обращении оргкомитета БНФ «К гражданам Беларуси» были выдвинуты следующие задачи: возрождение белорусской нации на демократической основе, достижение гарантированного государственного суверенитета.

В Программе БНФ, принятой на учредительном съезде в июне 1989 г., один из разделов назывался «Суверенитет». В нем провозглашалось «верховенство нации в ее самоопределении», а также выдвигалась идея «народного суверенитета — верховенства народа в решении своей судьбы». БНФ еще не ставил задачу выхода Беларуси из состава СССР, но рассматривал его как союз суверенных государств. «Полномочия Союза ССР должны осуществляться только в тех пределах, которые переданы ему союзными республиками». Программа выдвигала требование права свободного выхода каждой республики из состава СССР, заключения нового Союзного договора, главенство законов БССР на ее территории, независимости Беларуси в международных отношениях, введения гражданства БССР, права иметь собственные воинские формирования. Провозглашалась необходимость кардинального реформирования социально-экономических и политических основ общества (См.: Программа Белорусского народного фронта, Мн., 1989).

8 октября 1989 г. лидер БНФ З.Позняк в выступлении на 2 съезде Народного фронта Латвии впервые открыто выдвинул идею политической независимости Беларуси в качестве программной задачи своей организации. Однако в предвыборной платформе, принятой Соймом БНФ в декабре 1989 г., говорилось только о «реальном суверенитете», экономической независимости, закреплении собственности Беларуси на землю, природные ресурсы, производственные фонды на ее территории. (См.: Белорусская трибуна, N 12). И лишь на конференции БНФ 30 июня — 1 июля 1990 г. была принята Декларация о государственной независимости Беларуси. В ней констатировалось, что политический суверенитет может реализоваться «только в форме независимой национальной государственности» (См.: Известия ЦК КПСС, 1991, N 7, с. 80).

Однако, как отмечалось выше, к началу горбачевской перестройки в Беларуси, в отличие от других коммунистических стран, прежняя система себя не исчерпала. Общество не созрело для реформ. Поэтому демократизация и реформирование начались здесь не естественно, не органически, на собственной основе, а были привнесены из Москвы. Произошел импорт реформ. Если для коммунистических стран Центральной Европы, республик Балтии достаточно было слабого сигнала из столицы СССР, чтобы прежние режимы быстро развалились, то в Беларуси, наоборот, общество всячески сопротивлялось изменениям из Центра. Большинство населения Беларуси считало, что трансформация социализма произошла не в результате внутреннего кризиса, а вследствие действий неких политических сил («демократов», Горбачева, БНФ), что рынок и демократия искусственно привнесены с Запада с помощью его агентов и здесь насильственно внедряются. У людей происходило психологическое отторжение новых форм общественного устройства.

Поэтому, в отличие от республик Балтии и других регионов СССР, в Беларуси Народный фронт не получил массовой поддержки. Его ядро составляла гуманитарная и творческая интеллигенция, прежде всего та ее часть, которая наиболее тесно была связана с национальной культурой и языком. Слабость национальной идеи привела к тому, что БНФ оказался как бы сектой, тесно связанной с относительно узкой «белорусскоязычной субкультурой». На выборах в Верховный Совет БССР весной 1990 г. депутатами стали около 40 человек (из 300 избираемых депутатов), выступавших на политической платформе Фронта.

Тем не менее, белорусская партийно-государственная элита оказалась в сложном положении. С одной стороны, бурные демократические процессы в Москве и в ряде других регионов СССР, официально провозглашенный ЦК КПСС курс на реформы вынуждали всегда послушное руководство республики как-то реагировать. Одновременно нарастало давление оппозиции. БНФ, несмотря на свою относительную слабость, все больше становился законодателем политической моды в Беларуси. Все идеи, становившиеся предметом общественного обсуждения, дававшие импульс реформам, инициировались именно Фронтом.

НАЦИЯ И ОБЩЕСТВО

Под влиянием этих обстоятельств партийное руководство нехотя было вынуждено двигаться в русле начавшихся событий. В начале 1990 г. Верховный Совет 11-го созыва, избранный еще в доперестроечные времена, принял Закон о языке, который предусматривал постепенное введение белорусского языка в качестве государственного.

В 1990 г. в СССР начался «парад суверенитетов». Союзные республики одна за другой принимали официальные акты о суверенитете. Оппозиция БНФ в Верховном Совете настойчиво предлагала сделать то же самое. Но номенклатурное большинство парламента отвергло эту идею, заклеймив оппозиционеров как «националистов» и «сепаратистов». И лишь когда такой документ приняла Россия, Верховный Совет Беларуси, по предложению его председателя Н.Дементея, 27 июля 1990 г. принял Декларацию о государственном суверенитете БССР.

Декларация торжественно провозглашала «полный государственный суверенитет Белорусской ССР как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах ее территории, ... независимость республики во внешних отношениях». В документе заявлялось о верховенстве Конституции и законов Беларуси на территории республики, а земля, ее недра объявлялись собственностью белорусского народа. Образовывался Национальный банк, организовывалась собственная налоговая и таможенная служба. Статья 10 предусматривала право Беларуси на собственные вооруженные силы, органы безопасности. Воинские формирования, военные базы других государств могли быть размещены на территории республики только с согласия Верховного Совета. «Белорусская ССР ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а республику — нейтральным государством», — говорилось в этой статье (См.: Советская Белоруссия, 29 июля 1990 г.).

Безусловно, принятие Верховным Советом Декларации было чрезвычайно важным рубежом на пути к независимости. День 27 июля был объявлен государственным праздником.

С другой стороны, Беларусь, в силу указанных выше причин, с самого начала реформ оказалась «антиперестроечной Вандеей», одним из центров оппозиции М.Горбачеву. По мере развития процессов демократизации, укрепления самостоятельности союзных республик, ослабления власти Центра критика действий союзного руководства, которое «разваливает страну», со стороны белорусской номенклатуры становилась все более резкой. Выступая на XVIII съезде КПСС в июле 1990 г., первый секретарь ЦК КПБ Е.Соколов говорил, что большинство коммунистов Беларуси «выступает за единство и обновление КПСС ..., против идейных шатаний и косности, соглашательства и беспринципных компромиссов, ... за сохранение Союза суверенных социалистических государств» (См.: Правда, 6 июля 1990 г.). Политика Горбачева на углубление реформ была подвергнута серьезной критике на XXXI съезде Компартии Беларуси в ноябре 1990 г. и продолжена на апрельском пленуме ЦК КПБ 1991 года.

Тогда же была впервые озвучена новая идея. Белорусская номенклатура пыталась использовать свалившуюся автономию от Москвы для дистанцирования от реформаторского Центра и консервации здесь прежней системы. Первый секретарь Витебского обкома КПБ В.Григорьев в выступлении на XXXI съезде Компартии Беларуси предупреждал, что скоро страна может «окончательно развалиться, и мы все окажемся под ее обломками. А может быть, не надо нам, белорусам, ждать этого, а разработать самим, исходя из нашего суверенитета, оперативный план формирования общественно-политического благополучия в республике» (См.: Советская Белоруссия, 1 декабря 1990 г.).

Нарастающий экономический кризис руководители республики объясняли действиями Москвы. Председатель Совета Министров БССР В.Кебич постоянно подчеркивал, что в ухудшении жизни людей виноват Центр, чьи «непоследовательные действия приводят к громадному бюджетному дефициту, развалу финансовой и кредитно-денежной системы, разрушению потребительского рынка». Поэтому предпринимаются попытки оградить Беларусь от разрушительных действий союзного руководства. Выступая на сессии Верховного Совета в октябре 1990 г., глава правительства отмечал: «Мы говорим о сохранении Союза. А что сохранять? Давайте признаем, что Союз существует только конституционно. ... Надо не поддаваться никаким иллюзиям и проводить ту

линию, которая определена Декларацией о суверенитете.» (См.: Народная газета, 4 ноября 1993 г.). На практике это реализовалось в постановление Совета Министров Беларуси о вывозе товаров массового потребления за пределы территории республики только по разрешению правительства.

В отличие от руководителей большинства союзных республик, белорусские правящие верхи публично поддержали путч ГКЧП в августе 1991 г. Бюро ЦК КПБ выступило со специальным заявлением, приветствующим это событие. Поддержал путч и Председатель Президиума Верховного Совета БССР Н.Дементей.

После поражения ГКЧП начался быстрый распад СССР. По примеру других союзных республик Верховный Совет Беларуси был вынужден придать Декларации о государственном суверенитете статус конституционного закона. Было принято специальное постановление, провозглашающее экономическую и политическую независимость Беларуси. Поменяли название государства: вместо БССР — Республика Беларусь. Ввели новую символику (бело-красно-белый флаг и герб «Пагоня»), против которых до тех пор правящая номенклатура вела непримиримую борьбу, объявляя их фашистскими. Была приостановлена деятельность КПБ-КПСС. Вместо Н.Дементея Председателем Президиума Верховного Совета был избран демократ С.Шушкевич. Он вместе с В.Кебичем от имени Беларуси подписал в Беловежской пуще в декабре 1991 г. документы о прекращении существования СССР и образовании СНГ.

3. Независимость: поиски национально-государственной модели развития

Независимость свалилась на Беларусь как снег на голову. Если другие народы становились независимыми в результате многолетних кровавых войн, принеся на алтарь свободы огромные жертвы, то для белорусского народа она явилась как подарок судьбы. На референдуме 17 марта 1991 г. 82,6 % населения республики проголосовало за сохранение СССР (См.: Советская Белоруссия, 19 марта 1997 г.). В силу стечения исторических обстоятельств Беларусь оказалась вытолкнута в независимое плавание вопреки желанию как большинства населения, так и правящей элиты. Без руководящего центра в Москве руководство республики испытывало сильный психологический дискомфорт. Независимость оказалась для него тяжелой, непосильной ношей.

Единственное, в чем номенклатура быстро сориентировалась и преуспела, так это в вопросе о власти. После получения независимости политический ландшафт Беларуси мало изменился. «Партия власти» лишь изменила свою руководящую структуру. Место ЦК КПБ занял Совет Министров. Правительственное лобби в Верховном Совете, объединенное во фракцию «Беларусь», полностью контролировало парламент.

Сохранив свою власть, номенклатура не знала, что с ней делать. Она, оказавшись не хозяином положения, а заложником сложившейся ситуации, с большим трудом приспосабливалась к новой обстановке. Вакуум идей и программ компенсировался инстинктом самосохранения.

В отличие от «партии власти», оппозиция во главе с БНФ имела относительно четкую программу дальнейших действий, предусматривавшую укрепление независимости через дистанцирование от России и сближение с Западом, белорусское национальное возрождение, рыночные реформы и демократизацию общества. Оставаясь в значительном меньшинстве, депутаты оппозиции были очень активны, много использовали СМИ, апеллировали к общественному мнению и, пользуясь растерянностью большинства, приобрели влияние на политические процессы, несопоставимое с их численностью.

Находясь под таким давлением и не имея собственной линии политического поведения, Совет Министров был вынужден предпринять робкие шаги в направлении, предложенном оппонентами. Они носили своеобразный характер. Был реализован своего рода компромисс, с которым оппозиция смирилась, оценив реальное соотношение сил. Правящая номенклатура сохранила под своим контролем власть в центре и на местах, экономические процессы , в частности, приватизацию, и внешнюю политику. В то же время сфера идеологии и культуры в значительной мере была отдана оппозиции, чем та и воспользовалась.

В стране начался период белорусизации. Внедрялась атрибутика, связанная с новыми государственными символами. В школах и вузах начала изучаться история Беларуси, причем написанная по-новому, избавленная от многих идеологических установок. Прежде всего пересмотру подверглось положение об «общности исторических судеб»; «вечной дружбе» Беларуси и России. Значительная часть центральных и местных газет стала проповедовать идею национального возрождения. В частности, самая массовая газета в стране, орган Верховного Совета «Народная газета», как это ни странно, стала рупором оппозиции. Значительно увеличилось издание белорусской литературы. Например, в 1993 г. по сравнению с предыдущим годом книг на белорусском языке было выпущено больше на 43% по названиям и на 53% по тиражу (См.: Звязда, 21 января 1994 г.).

Основное внимание в сфере культуры оппозиция уделяла внедрению белорусского языка в качестве государственного. Был выдвинут тезис, что язык — это основа формирования нации. Особое место занимал перевод на белорусский язык системы образования. К 1994 г. в школах на нем обучалось свыше 60 % первоклассников.

Начался перевод на белорусский язык обучения в вузах и техникумах. В первую очередь это коснулось гуманитарных дисциплин. В других сферах государственного делопроизводства внедрение белорусского языка шло с меньшим успехом.

Необходимо отметить, что начало перехода на белорусский язык в полностью русскоязычной стране вызвал значительное недовольство в среде педагогических работников, чиновников, интеллигенции. Белорусизация в системе образования проходила под жестким контролем и прессингом со стороны Министерства образования. В СМИ разгорелась ожесточенная дискуссия с элементами агрессивности по этому вопросу. Перевес был на стороне сторонников быстрого и широкого распространения белорусского языка. Они имели ключевые позиции в СМИ. В среде образованной части общества стала утверждаться соответствующая морально-психологическая атмосфера, хотя большинство населения относилось к белорусскому языку довольно равнодушно. По разным социологическим опросам, в 1992 г. только около 20% населения считали, что белорусский язык должен быть единственным государственным языком. А примерно 70% опрошенных выступали за то, чтобы государственными стали два языка: белорусский и русский (См.: Советская Белоруссия, 9 апреля 1993 г.).

Такая ситуация привела к тому, что в массовом сознании государственная независимость оказалась связанной в основном с культурологическими проблемами при одновременном нарастании социально-экономических тягот для большинства населения. Это создавало дополнительный отрицательный фон для осуществления идеи суверенитета и национального возрождения.

Провозглашение независимости совпало с резким обострением социально-экономического кризиса. По примеру других посткоммунистических стран Совет Министров за три года разработал и предложил парламенту три программы рыночных реформ, ни одна из которых не была выполнена. «Партия власти» все еще не могла до конца поверить в окончательность суверенитета Беларуси и поэтому не решалась брать на себя ответственность за принятие судьбоносных решений, всё ожидая какого-то чудодейственного поворота событий, который освободил бы её от непосильной обязанности управлять независимым государством.

Власти объясняли углубление кризиса «разрывом хозяйственных связей» с другими государствами СНГ и действиями России, которая вытолкнула Беларусь из рублевой зоны и постоянно повышает цены на энергоносители.

Постепенно белорусская номенклатура приходила к выводу, что спасение республики не в осуществлении рыночных и демократических реформ, поиске своего места в условиях новых геополитических реалий, а в некотором повороте назад. Главным элементом этого движения вспять стала идея о восстановлении хозяйственных связей и экономическом союзе с Россией. Так начала формироваться модель зависимого (от Москвы) развития. Ответственность за судьбу Беларуси, ее экономическое состояние, национальную безопасность частично как бы перекладывалась на Россию.

В свою очередь оппозиция БНФ выдвинула собственную концепцию отношений с восточ-

ным соседом. Причина плачевного состояния экономики республики кроется, по ее мнению, в сознательно организованном заговоре России и ее союзников в Беларуси в лице руководящей номенклатуры. Этот заговор осуществляется в форме создания искусственного дефицита нефти и газа, а следовательно, топливно-энергетической блокады и шантажа, финансово-кредитного давления и т.д. Цель таких действий — заставить Беларусь пойти на военно-политический союз с Россией. Первым шагом на пути к такому объединению является экономический союз. Поэтому, чтобы предотвратить подобное развитие событий, необходимо отказаться от экономического союза, ввести свои деньги, избавиться от энерго-сырьевой зависимости от России, вообще дистанцироваться как можно дальше в экономическом и политическом плане от «империи». А для этого нужно сменить «предательское» правительство и Верховный Совет путем перевыборов.

К концу первого года независимого существования правящая номенклатура отошла от шока, вызванного распадом СССР и коммунистической системы. Период отступления закончился. Она перегруппировала свои силы и перешла в наступление на позиции, завоеванные национально-демократическими силами. Рубежом можно считать антизаконное решение Верховного Совета от 29 октября 1992 г. запретить проведение референдума о доверии парламенту. 4 февраля 1993 г. Верховный Совет отменил свое собственное постановление от 25 августа 1991 г. о временном приостановлении деятельности КПБ-КПСС.

Но безоглядная ориентация на тесный экономический союз с Россией неизбежно приводила правительство Кебича к трудноразрешимому противоречию. Эффективно взаимодействовать могут лишь однотипные экономические системы. В отличие от Беларуси, в России проводились глубокие рыночные реформы. Поэтому все надежды белорусского руководства были связаны с изменением политического курса России и сменой ее правительства. Ведь у тогдашнего премьера и его соратников, с одной стороны, и команды Гайдара, находившейся тогда у власти в Москве, с другой, были диаметрально противоположные подходы к осуществлению экономической политики. Команда Кебича сделала ставку на победу антиельцинской оппозиции в ходе обострения политической борьбы в Москве весной 1993 г., что создало бы благоприятные условия, по мнению белорусского руководства, для реставрации СССР.

В рамках происшедшего политического поворота следует рассматривать решение парламентского большинства от 9 апреля 1993 г. о вступлении Беларуси в систему коллективной безопасности стран СНГ. Хотя система эта довольно аморфная, тем не менее вхождение в нее означало отказ от принципа нейтралитета, провозглашенного в Декларации о государственном суверенитете. Поскольку никаких внешних причин такого поворота, т.е. изменения геополитических условий, не было, подлинные причины следует искать во внутриполитических факторах. В этом решении отразились как стремление прокоммунистических сил к воссозданию социалистического Советского Союза, так и иллюзии промышленного лобби относительно возможности восстановления хозяйственных связей директивными методами.

Решение парламента сильно поляризовало политические силы, резко обострило борьбу между ними. Главным оппонентом просовминовского большинства Верховного Совета по этому вопросу стал глава парламента С.Шушкевич. 13 мая 1993 г. он опубликовал большую статью в «Народной газете», где в полемической форме, по пунктам, опроверг все аргументы сторонников такого решения. С.Шушкевич утверждал, что за этим решением скрываются далеко идущие планы. Намерения оппонентов он характеризовал так: «Наверное, лучше сразу отказаться и от суверенитета? Быть сателлитом пусть немного и обидно, но менее хлопотно. Узаконим тоталитарную экономику, милитаристский бюджет, забудем о конверсии, приватизации, покончим с реформами... И — «вперед в прошлое» на развалённой имперской колеснице». Подводя итог дискуссии, С.Шушкевич пишет: «По существу, идет испытание нации на прочность: способна ли она сохранить свой суверенитет, достойна ли она независимой страны?» (См.: Народная газета, 13 мая 1993 г.).

Хотя, учитывая соотношение сил, борьба закончилась победой «партии власти», принципиальная позиция спикера парламента привела к двусмысленности ситуации с присоединением к системе коллективной безопасности СНГ. Уже после «подписания» в мае 1993 г. пришлось давать подтверждение , что данный факт действительно имел место. Очередной казус произошел на совещании на высшем уровне государств СНГ в Ашхабаде, когда белорусский премьер не подписал несколько документов, относящихся к договору о коллективной безопасности. Поскольку Беларусь присоединилась к договору с оговорками (военнослужащие Республики Беларусь не участвуют в боевых действиях за пределами территории страны), то вопрос о юридическом статусе республики в рамках системы коллективной безопасности до сих пор многими ставится под сомнение. Тем более, что сам договор сейчас практически не действует в полном объеме.

Следствием обострения политической борьбы в Беларуси стало разрушение политического центра. Первым признаком этого стало медленное сближение позиций Совета Министров и проправительственной парламентской фракции «Беларусь», до сих пор всячески подчеркивавших свои надпартийность и центризм, с прокоммунистическим флангом политического спектра, объединенным в Народное движение Беларуси. Это проявилось в общности позиций указанных политических сил по вопросам отношений с Россией и СНГ, в ходе попытки смещения Председателя Верховного Совета Беларуси С.Шушкевича со своего поста, в стремлении блокировать усилия спикера по укреплению западного вектора внешней политики. На сессии парламента была предпринята попытка если не сорвать, то по крайней мере максимально осложнить визит Шушкевича в США. Фракция «Беларусь» начала настойчиво критиковать Соединенные Штаты Америки за вооруженную акцию в Ираке и пыталась спровоцировать на ее осуждение главу Верховного Совета.

Летом 1993 г., когда разразился острейший энергетический кризис в республике, тенденция к негласному политическому союзу между правительством и прокоммунистическим Народным движением Беларуси усилилась. В пропагандистской кампании Совмина появился новый нюанс. Если до сих пор речь шла об экономическом союзе с Россией и другими государствами СНГ, то теперь стала популяризоваться идея политико-государственного объединения, конфедерации стран содружества и денонсации беловежских соглашений. Кульминация этого процесса пришлась на август-сентябрь 1993 г.

В Минске состоялся организованный коммунистами и поддержанный Совмином так называемый «съезд народа Беларуси». На нем были представлены организации, идейно близкие Партии коммунистов Беларуси. Съезд потребовал восстановления в каком-либо виде СССР. Знаменательно, что на съезде присутствовал и выступил с приветственным словом лидер фракции «Беларусь» Г.Козлов. Его же подпись стоит первой под обращением 21 организации Беларуси к руководителям государств СНГ с предложением превратить это содружество в конфедерацию.

16 сентября во время поездки по Гомельской области премьер-министр В.Кебич заявил об ошибочности беловежских соглашений, раскаялся в своем участии в их подписании, признал полную несостоятельность СНГ и необходимость восстановления СССР в «иной форме». Буквально на следующий день С.Шушкевич дал премьер-министру резкую отповедь. За один час была созвана пресс-конференция, на которой спикер заявил: «Я считал и считаю, что в Вискулях мы хорошо поработали и подписали хорошее соглашение. Если Вячеслав Францевич считает это ошибкой, то, очевидно, следовало бы уступить свое место тем, кто это ошибкой не считает и будет работать на основе этих соглашений, ратифицированных парламентом» (См.: Государственная политика Республики Беларусь в 1993 году: основные параметры. Мн., НЦСИ «Восток-Запад», 1994 г., с. 28). Не ожидавший такого отпора, премьер вынужден был дезавуировать некоторые свои заявления.

В сентябре между Беларусью и Россией было подписано соглашение о создании единой рублевой зоны. Конкретный договор предполагалось подписать в январе 1994 г. Предусматривалось, что в обоих государствах будут введены единые деньги (российский рубль), но Национальный банк Беларуси сохранялся со всеми его функциями, включая эмиссионную. С экономической точки зрения идея была изначально абсурдной: два суверенных государства с единой валютой, но с двумя эмиссионными

центрами! Но официальная пропаганда в Беларуси взахлеб стала вещать о приближающемся экономическом чуде. С появлением российских рублей доходы граждан Беларуси сразу должны были вырасти в 2-3 раза.

Большое влияние на политическую ситуацию в Беларуси оказало развитие событий в России в сентябре-декабре 1993 г. С.Шушкевич поставил весь свой политический капитал на Б.Ельцина. Если В.Кебич предпочел уклониться от прямых оценок московских событий, то глава Верховного Совета уже через два часа после оглашения Указа президента Б.Ельцина о роспуске парламента послал ему телеграмму с поддержкой и пожеланием успехов.

Однако его расчет на быстрые дивиденды не оправдался. Вероятно, С.Шушкевич рассчитывал, что после разгона российского парламента белорусская посткоммунистическая элита окажется в шоковом состоянии по аналогии с тем, что было в августе-сентябре 1991 года, когда коммунистический Верховный Совет приостановил деятельность компартии, провозгласил независимость и избрал его главой государства. В сентябре 1993 года, однако, Президиум Верховного Совета отказался поддержать инициативу С.Шушкевича о созыве внеочередной сессии для рассмотрения ситуации в экономике, принятия Конституции и назначения досрочных выборов. Старая элита успела адаптироваться к переменам в Москве, и её уже не шокировали победы российских демократов. Тем не менее, октябрьские события в Москве вновь поставили правительство В.Кебича перед трудным выбором. Провозгласив своей стратегической целью создание «социально ориентированной рыночной экономики» с сильной ролью государства, кабинет В.Кебича оказался в затруднительном положении, будучи вынужденным сотрудничать с «ельцинской» Россией, избравшей более либеральную модель рынка.

В целом можно сделать вывод, что совместными усилиями правительства, оппозиции, средств массовой информации общественная дискуссия была уведена от основной проблемы момента, заключающейся в темпах и методах экономических и политических реформ, в плоскость хоть и не второстепенную, но не главную. Споры в парламенте и печати сводились в основном к вопросу о взаимоотношениях с Россией («рублевая зона нового типа»). А в этой плоскости симпатии населения, как показывали социологические опросы, безусловно находились на стороне правительства. Иллюзии народа и иллюзии Совмина относительно чудодейственной роли экономического союза с Россией совпадали. Оппозиция, ввязавшись играть по правилам, навязанным оппонентом, заранее оказалась в проигрышном положении. Ибо всем было известно, мягко говоря, прохладное отношение БНФ к «имперской» России.

Состоявшийся в июле 1993 г. Съезд белорусов мира основное внимание уделил проблеме сохранения суверенитета Беларуси. Несмотря на все усилия правительства, он поддержал оппозицию и прошел под лозунгами БНФ.

4. Президентские выборы и их влияние на политическое развитие страны

Приближающееся окончание срока полномочий Верховного Совета подталкивало правящие круги к ускоренному созданию механизма удержания власти. Главным элементом такого механизма должен был стать пост президента. Для этого необходимо было принять новую Конституцию, легитимизирующую институт президентства, и провести выборы главы государства.

Намечаемое вхождение Беларуси в денежную систему России требовало торопиться, так как избирательная кампания должна была наложиться на сиюминутные положительные результаты этой акции и стать главным фактором поддержки представителя номенклатуры (В.Кебича) в ходе выборов. Поэтому процесс принятия новой Конституции, предусматривающей пост Президента, правящие круги решили форсировать.

Перед выборами правительство сочло необходимым консолидировать собственные ряды. Препятствие в лице Председателя Верховного Совета С.Шушкевича, который был для правящей команды чужаком, быстро устранили. В январе 1994 года на эту должность был избран представитель парламентского большинства М.Гриб. Отстранение от должности С.Шушкевича не изменило соотношение сил в системе государственной власти, не существенно изменило ее внешнее оформление. Бывший спикер как бы символизировал реформаторское начало в Беларуси. Нахождение С.Шушкевича на прежнем посту давало ему больше возможностей в ходе предвыборной борьбы за президентское кресло. Поэтому, расчищая дорогу В.Кебичу, опасного, как тогда считали, конкурента устранили легитимным путем.

Правая оппозиция предпринимала усилия помешать осуществлению планов правительства. В январе лидер БНФ З.Позняк опубликовал в «Народной газете» статью «О русском империализме и его опасности», где в беспрецедентно резкой форме обвинил Россию в империалистической политике по отношению к Беларуси и даже выступил с территориальными претензиями к восточному соседу. Это была отчаянная попытка помешать заключению договора о единой рублевой зоне. Статья нанесла большой ущерб лично Позняку, БНФ и всей демократической оппозиции.

Принятие в марте 1994 г. новой Конституции суверенного государства явилось важным историческим событием. Впервые белорусский парламент выразил свою политическую волю в столь важном вопросе без подсказки из Москвы. Конституирование Беларуси в качестве независимого, безъядерного, стремящегося к нейтралитету и декларирующего приверженность демократическим ценностям и нормам государства стало событием не только внутриполитическим, но и международным. Новая Конституция определила Беларусь как унитарное демократическое социальное правовое государство, обладающее верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно проводящее внутреннюю и внешнюю политику. В качестве основ конституционного строя ею были закреплены политический плюрализм, разделение властей, приоритет общепризнанных принципов международного права, равенство форм собственности, принцип неприменения силы либо угрозы силой в отношениях с другими государствами.

В соответствии с новой идеологией Основного Закона, провозгласившего обеспечение прав и свобод граждан в качестве высшей цели государства, кардинальные изменения претерпел статус личности. Это прежде всего касается гражданских и политических прав и свобод, которые формулировались Конституцией в духе международных обязательств, принятых Беларусью в данной области.

Что касается социально-экономических прав, то редакция соответствующих статей нового Основного Закона свидетельствует о сохранении преемственности подходов, содержавшихся в Конституции 1978 года. Хотя следует признать, что традиционный патернализм государства в области социальной защиты дополнен новеллами в духе времени, регулирующими отношения в экономической сфере, и вполне пристойным либерализмом в области культурных прав.

Принципиально была изменена форма правления. Своеобразный парламентаризм уступил место президентской республике.

Следует заметить, что идея введения этого нового для Беларуси государственного института восходит к началу 90-х, когда была предпринята первая попытка «имплантации» поста Президента в Конституцию Белорусской Советской Социалистической Республики образца 1978 года. Более 3 лет, которые занял процесс подготовки и принятия новой Конституции, статус Президента и даже сама необходимость этой должности были предметом дискуссии как в парламенте Беларуси, так и вне его.

Вначале парламентское большинство выступило против введения президентского поста. Он воспринимался как еще один атрибут независимости и чуждого нам буржуазного Запада. Интересен факт, что отрицательное отношение к посту Президента демонстрировали полярные политические силы. Если белорусские коммунисты были в принципе против этого государственного института, как чуждого подлинному народовластию, то БНФ, выступая против, мотивировал это необходимостью первоочередного проведения парламентских выборов.

Но опасения потери власти заставили большинство Верховного Совета учредить этот пост под конкретного «своего» кандидата.

Учитывая весьма значительные полномочия президента по новой Конституции, в ходе президентских выборов речь шла о «выборе Беларуси», об определенной модели белорусской государственности, вектора социально-экономического развития, стратегии внешней политики. Скрыто или явно это отразилось в пози-

циях кандидатов в президенты, их программах и выступлениях.

Кандидатами в президенты были зарегистрированы шесть претендентов. В.Кебич, А.Лукашенко, В.Новиков, А.Дубко представляли левый фланг политического спектра, их программы объединяло требование не спешить с проведением рыночных преобразований, а кое в чем и свернуть их (например, приватизацию), крепить союз с Россией.

З.Позняк и С.Шушкевич представляли правый фланг. Они делали акцент на рыночные реформы, укрепление суверенитета страны, выступали против создания единой рублевой зоны с Россией.

Выборы показали, что население отдает предпочтение кандидатам с левыми политическими взглядами. Претенденты, ратовавшие в том или ином виде за преобладание командно-распределительных отношений и реанимацию СССР в иной форме, получили 3/4 голосов. Такое преобладание позволило левым политическим силам выдвинуть сразу четырех кандидатов.

Запаздывание в социальных преобразованиях сыграло важную роль в выборе белорусского населения. Дело в том, что первые демократические выборы пришлись на период более глубокого системного кризиса, чем в соседних государствах, где они проходили в сравнительно благоприятной обстановке. Поэтому там популистская тенденция в политической жизни не получила полной реализации. В Беларуси же в силу указанных причин эта тенденция стала абсолютно преобладающей.

Успех А.Лукашенко обусловлен в значительной мере низкой политической культурой большинства населения страны. Можно говорить о том, что выборы прошли за пределами собственно политического пространства. Они скорее являлись референдумом о доверии сложившейся и давно устаревшей государственной машине. Причем в ходе избирательной кампании все кандидаты всячески понижали уровень политической борьбы. А.Лукашенко сознательно противопоставлял народ политикам, дискредитировал государственные учреждения, политические институты и власть вообще. И это нашло благоприятный отклик в разуверившемся народе.

Значительная часть населения стихийно и очень прочно усвоила ленинскую идею о кухарке, могущей управлять государством. Поэтому лозунг «Власть — народу, а не номенклатуре» был воспринят буквально. Многие были убеждены, что, во-первых, во главе государства должен находиться подлинный представитель народа, а во-вторых, управлять государством не так уж сложно, главное, чтобы руководитель защищал интересы простых людей, а не бюрократов. И А.Лукашенко оказался ярким представителем этой общественной тенденции, выразителем интересов социальных низов, и естественно вписался в образ «человека из народа», «народного президента». Он формулировал то, что люди высказывали в очередях и курилках, причем говорил языком, наиболее понятным населению. А.Лукашенко всем обликом, культурой, речью с несовершенными стилистическими оборотами оказался наиболее близким и понятным народу.

Именно это удачное совпадение ожиданий населения и политического образа народного заступника, выраженного А.Лукашенко, объясняет тот удивительный факт, что человек без серьезной команды, без программы и идей, без поддержки солидных политических сил и финансово-экономических кругов совершил триумфальное восхождение на вершину власти.

Прошедшие выборы Президента можно рассматривать как следствие затянувшегося идеологического кризиса в посттоталитарной стране. Если идеологический кризис в других коммунистических странах был инициирован интеллектуальными и политическими элитами и осуществлялся целенаправленно и рефлексивно, то в Беларуси он происходит спонтанно и вынужденно без управления и контроля со стороны политических субъектов и элит. Смена идеологии осуществляется «снизу», поэтому на вершину политической пирамиды выводится представитель идеологии «деидеологизированных низов». Власть отдается не тем политическим силам, которые способны реализовать конструктивную программу реформ, а тем, которые способны вызвать или спровоцировать кризис власти. Власть попадает в руки человека, который олицетворяет, персонифицирует недоверие избирателей к власти.

После принятия новой Конституции и проведения президентских выборов в Беларуси возникла качественно новая политическая ситуация. В президентской республике со слабыми демократическими традициями, несформировавшимся гражданским обществом, неструктурированными социальными интересами, малочисленными партиями, в условиях персонификации власти в массовом сознании, ожидания обещанного Лукашенко в ходе избирательной кампании чуда, политическая жизнь страны сконцентрировалась вокруг деятельности президента и его команды. Личность главы государства, его мировоззрение стали оказывать решающее влияние на политические процессы в Беларуси.

5. Кризис национально-государственнической идеи

В мае 1995 г. состоялись парламентские выборы. На них было избрано лишь 119 депутатов. Этого количества было недостаточно для проведения первого правомочного заседания Верховного Совета. К этому времени значительная часть людей разочаровалась в демократии и её институтах, в том числе в Верховном Совете. Ведь обострение социально-экономического кризиса и резкое снижение уровня жизни населения произошло одновременно с появлением демократических свобод. Президент и официальные СМИ сознательно дискредитировали депутатов и парламент вообще как институт государственной власти, объявив его сборищем болтунов и коррупционеров.

Из избранных депутатов подавляющее большинство составили представители левых политических сил и работники исполнительной власти.

Референдум и майский этап парламентских выборов 1995 г. имели важное значение. Они закрепили выбор, сделанный год назад в ходе избрания президента. Антикоммунистический и «антиэсэсэровский» импульс, полученный из Москвы к концу 1991 г., быстро иссяк. Большинство из того, что удалось завоевать национально-демократической оппозиции на тот момент, закрепить и сохранить не удалось. Откат назад произошел прежде всего в идеологической сфере. Выше уже говорилось, что с момента обретения страной независимости в системе образования, и отчасти в СМИ, вместо советской идеологии стала постепенно утверждаться концепция белорусского национального возрождения. Однако в массовом сознании бело-красно-белый флаг и герб «Погоня», как и белорусский язык, воспринимались не столько как национально-государственные символы, сколько как атрибуты БНФ. Пришедшие вместе с независимостью, они оказались как бы виновными во всех тяготах и бедах, обрушившихся на головы людей за последние годы.

Референдум положил конец попыткам государства на протяжении 1990-1995 г. Поднять и укрепить статус белорусского языка, внедрить его в общественное употребление. Период, который, возможно, войдет в историю как «вторая белорусизация» (первая была в 20-е гг.), завершился без значительных и заметных успехов в этом направлении. После референдума начался обратный процесс. Решающую роль сыграла позиция президента, который, выступая в Гомеле, заявил: «По-белорусски нельзя высказать нечто великое. Белорусский язык — бедный язык. В мире существуют только два великих языка — это русский и английский» (См.: Народная газета, 1 февраля 1995 г.).

Восстановление советской символики, праздника Октябрьской революции, отказ от появившихся за годы независимости некоторых учебников по гуманитарным дисциплинам лишь дополнили общую картину.

Референдум был рубежом, положившим начало смене государственной идеологии. Вместо идеи белорусского национального возрождения в стране стала утверждаться идея «славянского единства» или, говоря по-другому, панславизма. Если быть более точным, то никакой разработанной идеологии не было. Просто вслед за президентом официальная пресса повторяла простые фразы об «исторической общности славянских народов», «единых славянских корнях», «исконном единстве славян» и т.д. Причем при ближайшем рассмотрении оказалось, что имеется в виду единение лишь восточных славян на духовной основе православной религии. В послании президентам России и Украины А.Лукашенко пишет: «Православная церковь всегда несла в себе идею соборности, духовности, этнической целостности славян» (См.: Советская Белоруссия, 26 января 1996 г.). Он осудил деятельность католической и протестантской церквей в Беларуси. Однако, поскольку украинцы не проя-

вили желания объединяться в какие-либо новые союзы, то в реальности все свелось к единству Беларуси и России. Известно, что идеология панславизма возникла как один из вариантов мессианской великорусской идеи. Сейчас объективно она играет ту же роль. Экзотичность ситуации состоит в том, что эту идею стал пропагандировать лидер соседнего с Россией государства.

Нужно отметить, что А.Лукашенко постоянно апеллировал к ностальгии по СССР, пытался реанимировать идеологию и основные ценности советского общества. Например, выступая перед ветеранами по случаю Дня Победы, президент говорил: «Мы вернули вам государственный флаг страны, за которую вы воевали ... . Простите нам, что мы пока не смогли вернуть вам ваше и наше общее Отечество в широком и глубоком смысле этого слова. Но я убежден, что это нам под силу. Мы это сделаем ... .» (См.: Народная газета, 11-13 мая 1996 г.). Соединение панславистской и советской идеологий породило своеобразный идеологический гибрид, который и стал государственной идеологией. Близкая президенту газета «Славянский набат» объявила себя защитником «славяно-советской цивилизации». и стал государственной идеологией. (В 1996 г. под руководством помощника президента О.Слуки был подготовлен и опубликован во всех государственных газетах документ под претенциозным названием «Идеология белорусской государственности». Это было первой попыткой разработать концепцию «рыночного социализма», с помощью наукообразной формы оправдать существующий режим и его политику. Никакого практического значения и применения данный документ не имел.)

В результате произошла резкая идеологизация внешней политики. Официальные СМИ стали пропагандировать негативное отношение к Западу, его образу жизни, политической системе, западной цивилизации вообще. Тон задал сам президент: «Западные ценности не имеют ничего общего с менталитетом белорусских людей» (См.: Советская Белоруссия, 2 сентября 1995 г.). «Я ... свое общество за цивилизованным миром не поведу» (См.: Белорусская газета, 15 июля 1996 г.). Стала происходить искусственная демонизация Запада, что проявлялось в отношении к МВФ, НАТО, разоблачении мифических «заговоров» ЦРУ.

Активная пропаганда А.Лукашенко панславистских идей нашла горячую поддержку в среде российской оппозиции. Это, в свою очередь, породило у белорусского президента мессианские настроения. «На Беларусь смотрят как на спасителя славянской цивилизации, и мы должны эту цивилизацию спасти!» (См.: Народная газета, 12 апреля 1995 г.). В интервью газете «Всеукраинские ведомости» А.Лукашенко говорил: «Это наш крест, мы должны его нести, должны попытаться склеить великий славянский мир ... . Видимо, Богом предназначено Беларуси это сделать, коль она поставлена в центр этого процесса» (См.: Белорусская газета, 12 мая 1997 г.).

Слава «славянского интегратора» пробудила у А.Лукашенко амбициозные претензии на роль лидера белорусско-российского союза. С 1995 г., когда президент Беларуси стал активнее выходить на российский электорат, эксперты начали все громче говорить о его намерениях стать президентом объединенного государства. В интервью зарубежным журналистам А.Лукашенко был более откровенен и скромно заметил: «Для меня воля славянских народов — закон. Если они решат послать меня далеко за пределы нашего государства, я подчинюсь их воле» (См.: Financial Times, 2 мая 1996 г.).

Для А.Лукашенко, как и для многих граждан Беларуси, суверенитет не является чем-то святым и незыблемым, какой-то бесспорной ценностью. Более того, он, видимо, не до конца понимает, что это такое. А.Лукашенко часто выражает сожаление по поводу распада СССР, он неоднократно утверждал, что БССР в составе Советского Союза была более суверенна, чем ныне Республика Беларусь. В этом смысле любопытна его беседа с польским политологом А.Михником.

Лукашенко: «Еще не известно, когда мы были более суверенными и независимыми: тогда или сейчас».

Михник: «В каком смысле?»

Лукашенко: «Я имею в виду материальные гарантии населению».

Михник: «Но независимость — это все же нечто другое. Это — суверенное государство.»

Лукашенко: «Но ведь у нас был Верховный Совет, который принимал законы, была армия и собственная милиция. Был также свой КГБ. В общем, и сейчас он имеется. У нас была граница с Польшей, Прибалтийскими государствами, Украиной и Россией — и здесь ничего не изменилось, только люди стали нищими, поэтому, если я спрашиваю, когда мы были более суверенными, то имею в виду все в комплексе» (См.: Имя, 1995, N3).

Очень двусмысленны, противоречивы, а иногда и взаимоисключающи заявления главы государства об интеграции с Россией. Во время визита президента России Б.Ельцина в Минск А.Лукашенко вскользь бросил непонятную реплику о «более полном слиянии, чем бывший союз». По окончании встречи обоих президентов в Академии наук Беларуси А.Лукашенко сказал журналистам: «Я хочу заявить, что обещал народу на выборах полную интеграцию с Россией, и слово свое сдержу. И мы проведем на эту тему референдум. Концептуально я вижу, что сближение в экономике обязательно выведет нас и на политическую интеграцию с Россией» (См.: Народная газета, 24 февраля 1995 г.). А выступая в Бресте в 1997 г., он отметил: «Может быть, это будет единое государство, может быть — федерация, может быть — конфедерация. Мы к этому должны прийти» (См.: Народная воля, 19 июня 1997 г.).

В 1995 г. был создан таможенный союз, в 1996 г. — Сообщество, а в 1997 — Союз Беларуси и России. Однако политика президента в этом вопросе была противоречивой. В 1997 г. А.Лукашенко неожиданно начал делать акцент на суверенитет Беларуси, апеллировать к историческим истокам белорусской государственности.

3 июля в Минске состоялся грандиозный праздник, который сфокусировал всю противоречивость политики властей. С одной стороны, праздник как бы утверждал и фиксировал в сознании людей идею независимости Беларуси. Официально праздник совмещал два названия — День независимости и День республики. А.Лукашенко выступал на белорусском языке.

С другой стороны, организаторы праздника сделали все, чтобы подменить идею независимости идеей советскости. Здесь имели место и апелляция к подвигу советского народа в Великой Отечественной войне, и ностальгия по СССР.

Выступая на торжественном заседании, президент прославлял Советский Союз, клеймил тех, кто его развалил, и даже разоблачал отцов — основателей БНР. И одновременно подчеркнул: «Для руководителя государства его суверенитет — величайшая ценность. И от этой ценности он не может отказаться ни при каких обстоятельствах» (См.: Советская Белоруссия, 4 июля 1997 г.). Самое любопытное состоит в том, что большинство не видит взаимоисключаемости этих двух идей и воспринимает нормально их одновременную пропаганду. Такая парадоксальность мышления вызывает удивление лишь у тех, кто плохо знает Беларусь. А А.Лукашенко знает ее хорошо. По данным социологических опросов, проведенных НИСЭПИ в прошлом году, около 60 % населения у нас выступает одновременно и за независимость Беларуси, и за объединение с Россией. Разорванность сознания давно стала здесь нормой.

В последний год А.Лукашенко вступил в тесный союз с антиельцинской оппозицией в России, и интеграция с Москвой стала носить все более антиреформаторский характер. Судя по всему, А.Лукашенко выжидает удобный момент, чтобы обменять суверенитет Беларуси на должность президента объединенного государства.

Если инициированный А.Лукашенко референдум 1995 г. нанес разрушительный удар по белорусской национальной идее, то референдум 24 ноября 1996 г., снова организованный президентом, нанес такой же удар по идее демократии. Выше отмечалось, что с самого начала своего пребывания на посту президента А.Лукашенко последовательно проводил курс на узурпацию власти. Но до поры до времени это маскировалось беспочвенными обвинениями в адрес других ветвей власти.

В сентябре 1995 г. под давлением президента прекратил свою работу Верховный Совет 12-го созыва. Поскольку новый его состав в мае не был избран, страна на несколько месяцев осталась без парламента. Той же осенью А.Лукашенко отказался выполнять решение Конституционного суда, тем самым фактически устранив и его. Суд утратил определенные ему Конституцией функции и превратился в безобидную юридическую консультацию. По существу, с осени 1995 г. в стране установился режим, который сам А.Лукашенко охарактери-

зовал как «прямое президентское правление».

К сожалению, Верховный Совет XIII созыва, начавший свою работу в январе 1996 г., не смог выполнить функцию противовеса исполнительной власти. Ему не удалось предотвратить установление авторитарного режима, отстоять Конституцию и законность в стране. Лишенный доступа к государственным СМИ, самостоятельного информационного и материального обеспечения, оскорбляемый на всю страну президентом, парламент так и не смог проявить политическую волю и противостоять диктатуре.

Но даже существование таких Верховного Совета и Конституционного суда не устраивало президента. Он стремился юридически закрепить существующий фактически авторитарный режим. А.Лукашенко и его команда нашли способ решить все проблемы одним махом: провести очередной референдум по новой Конституции, которая предусматривала концентрацию всей власти в руках президента и превращение парламента, Конституционного суда, местных органов власти в чисто декоративные институты, не имеющие реальной власти. Президент встал на путь фактической ликвидации политической системы страны, сведению ее лишь к двум субъектам политики: вождь и народ.

Официальные СМИ пропагандировали необходимость единоличной власти («в стране должен быть один хозяин»). Например, в самой массовой газете — «Народной» — прославлялась «сильная, порой даже неограниченная власть в руках лидера». В качестве образца рассматривались аравийские эмираты, Саудовское королевство, в котором «на фоне абсолютной единоличной власти ... представительные органы если и существуют, то лишь в качестве декорации, чтобы не нервировать мировую прогрессивную общественность» (См.: Народная газета, 4 октября 1996 г.). Публиковались письма трудящихся президенту, в которых они требовали ввести прямое президентское правление.

Таким образом, вопрос о диктатуре и демократии оказался в центре политической борьбы, стал едва ли не главным вопросом пропагандистской кампании накануне референдума. Сам референдум прошел с грубейшими нарушениями закона со стороны властей. Говоря по-другому, произошел государственный переворот. Однако население практически не противилось антизаконному введению в действие новой Конституции.

Итоги референдума свидетельствуют о том, что общество не воспринимает демократию как ценность. Или, вернее сказать, рассматривает демократию не в европейском ее понимании (разделение властей, независимые СМИ, наличие оппозиции и т.д.). Значительная часть населения понимает ее как возможность выбирать себе «батьку» и давать ему неограниченные полномочия. Прививка против диктатуры, осуществляемая в последние 7-8 лет, оказалась слабой. Свежий воздух демократии, прорвавшийся с началом горбачевской перестройки, не смог вытеснить ядовитые миазмы тоталитаризма. Большинство населения восприняло демократию как недоразумение, случайность или аномалию. И когда А.Лукашенко захлопнул форточку и перекрыл кислород, общество восприняло это с пониманием, как возвращение к естественному состоянию.

Утверждение личной власти А.Лукашенко означает начало нового этапа новейшей истории Беларуси. Если до сих пор режим характеризовался как авторитарный, то теперь можно сказать, что он имеет некоторые черты тоталитарного: тенденция к объединению в единое целое государства и гражданского общества, экономики и идеологии, требование политической лояльности не только от чиновников, но и граждан и др.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что длительный поиск белорусским обществом собственных национальных интересов не закончился. Он продолжается, вызывая все более глубокий раскол среди населения и элиты. Большинство во главе с президентом основным вектором развития выбрало движение вспять, к СССР и основным атрибутам прежней системы.

Михаил ПЛИСКО,
политолог, главный редактор
бюллетеня «Адкрытае грамадства»

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ВЗГЛЯД ПОЛИТОЛОГА

1. Методологический аспект

Натурализация социальной реальности при использовании естественно-научной методологии приводит к омертвлению и «механизации» социального познания, так как в этом случае вырабатываемые социологами процедуры оказываются неспособными отразить смысловой, значимый характер социальных фактов, из которых складывается развитие общества. Общество есть интерсубъективный феномен, продукт взаимодействия человеческих сознаний. Поэтому задача социологических исследований состоит в познании субъективных, или, точнее, интерсубъективных значений, лежащих в основе человеческой деятельности. Все, что лежит вне сознания индивида, той или иной социальной группы — иллюзия здравого смысла или самообосновывающаяся вербальная конструкция, не соответствующая никакому реальному объективному содержанию, ибо социальный мир — это экзистенциональный продукт человеческой деятельности, благодаря которой он сохраняется и изменяется. Поэтому дело обстоит не так, будто существует внешний по отношению к людям, реальный, объективный фактуальный социальный мир, воздействующий на членов общества. На самом деле именно индивиды в процессе постижения этого мира (т.е. объясняя, определяя, воспринимая его) объективизируют его, применяя все доступные средства для выражения постигаемого.

Общество реально (т.е. обладает объективной фактичностью) потому, что его члены определяют это общество как реальное (эту веру в реальность социального мира индивидов по отношению к миру можно назвать «естественной установкой») и относятся к нему как к реальности. Отсюда следует, что социальный мир является миром множества реальностей: разные индивиды сосредотачивают внимание на различных аспектах социальных ситуаций, в которых они вращаются (живут), и поэтому различным образом «прочитывают» (объясняют), на первый взгляд, одну и ту же ситуацию. «Прочтение» ими ситуации зависит от характеристик и условий социальных отношений, в которых они живут, традиций, содержания образования и воспитания, культивируемых и ставших модными представлений о правильности и необходимости того или иного поведения.

У близких по духу индивидуумов возникают близкие «по прочтению» представления, например, о правах человека, которые для них являются единственно правильными. И поскольку онтологическими строительными кирпичиками социального мира являются представления о субъективно понимаемой разумности поведения индивида, их (эти представления) надо вычленить, подвергнуть анализу, осмыслить, и посредством определенных действий изменить социальные отношения. По моему мнению, обращенное во вне представление о разумности, целесообразности поведения индивида и находит свое теоретическое объяснение в понятии прав человека. Множественность этих представлений обусловлена богатством человеческих отношений, которые могут существовать как на уровне обыденного сознания, так и научного знания. С обыденными представлениями о правах человека, в которых заключены наиболее социально значимые мотивы поведения индивида и которые сложны для понимания и осмысления, имеют дело политики, систематизирующие их в определенные идеологические концепции.

2. Исторический аспект

Исторически первой формой понимания

прав человека была либеральная концепция. Первая в том смысле, что она изложена на понятном нам языке и социально значима до настоящего времени. Примерно до XVII в. хозяйственная деятельность ограничивалась кругом «большой семьи» и не выступала в качестве элемента, системообразующего общество. Вся жизнь в такой семье, общине была пронизана политикой и иерархически была подчинена и одновременно защищена её хозяином. Ещё не было понимания общества как области сопряжения частных неполитических интересов, как не было ещё и понимания государства как особого аппарата принуждения, обособленного от человека. Понятие свободы было сформулировано еще древними греками, в частности Аристотелем, а затем Августином и Ф. Аквинским. Они исходили из того, что свобода есть право полноправных членов общины быть управляемыми в их собственных интересах. Идея свободы в то время не сочеталась с идеей юридической защиты прав человека.

Крушение традиционного, основанного на патриархальных, общинных связях, общества и его традиционной власти впервые четко обнаружили существование различий между гражданским обществом и государством. Это различие поставило на повестку дня также и такую проблему: как общество, члены и социальные группы которого находятся в постоянном движении, конфликте, может всё же сохранять социальную сплоченность, с одной стороны, признавая законность существования государственной власти, а с другой — юридическую защиту прав человека.

Ответ либерализма на эти вопросы базируется на идее естественных прав человека и теории общественного договора.

3. Либерализм и права человека

Родоначальником либеральной концепции принято считать английского философа и политического деятеля Джона Локка. Поскольку гарантии соблюдения естественных прав и законов в естественном, дополитическом состоянии были, по мнению Дж. Локка, недостаточно надежны, то для их создания люди сами, добровольно, решили отказаться от принадлежащего им права самостоятельно обеспечивать эти права и законы. В результате общественного соглашения гарантом естественных прав и свобод стало государство. Оно наделялось правом издавать законы, снабженные санкциями, и использовать силу общества для соблюдения этих законов. Однако государство не должно было посягать на сами эти права, ибо пределом его власти при всех формах правления являются естественные права его граждан. Государственная власть, писал Дж. Локк, не может брать на себя право повелевать посредством произвольных деспотических указов; наоборот, она обязана отправлять правосудие и определять права граждан посредством провозглашенных постоянных законов и уполномоченных на то судей. Дж. Локк считал, что государственная власть (правительство) сама должна подчиняться установленным в обществе законам, в противном случае граждане имеют полное право вернуть себе свои первоначальные права и передать их новой власти (суверену).

Чтобы естественные права человека не остались на уровне моральных требований, они, по мнению Дж. Локка, нуждаются в юридическом признании их со стороны государства. Парадокс состоит в том, что хотя эти права и истинны, являются первичными и исходными, а их содержание абсолютно не зависит от юридического освящения государства, тем не менее, чтобы быть «эффективными» и «законными», они должны подвергнуться этой процедуре. Таким образом, только в процессе «позитивизации» естественные права становились до конца подлинными правами. Подтверждением этому мог служить знаменитый «Habeas corpus act». Предоставление правам и свободам юридических гарантий являлось основным долгом и задачей любого государства.

По Дж. Локку, власть законодателя, даже если он демократически избран, не может выходить за пределы мандата, возложенного на него обществом. По его словам, «никто не может передать другому большую власть, нежели та, которую он сам имеет». Чтобы государство не смогло подмять под себя общество и конституционная монархия не превратилась в абсолютную, Дж. Локк теоретически обосновал необходимость особым образом устроить саму государственную власть, а именно, сформулировал концепцию разделения властей. В разделении властей он видел главное средство обеспечения законности, незыблемости правопорядка, справедливости и интересов гражданского общества. Тот факт, что права человека являются врожденными, не означал, что можно заранее составить их перечень вне связи с социальными отношениями и историческими реалиями.

По мнению некоторых зарубежных исследователей (Джон Данн, Адам Селигмэн), естественное состояние у Дж. Локка — не гипотетическая конструкция и не описание реальной ступени развития общества, а светское изложение общих для кальвинистов XVII века представлений о мироустройстве, нашедших своё практическое воплощение в организации жизни протестантских общин Нового Света.

Слабость и одновременно сила либеральной концепции прав человека — блестящего изобретения человеческого ума — состоит в том, что, с одной стороны, в действительной, невыдуманной истории человечества государство изначально было сильнее гражданского общества и именно поэтому оно диктовало ему свои правила игры и определяло границы и объём этих прав и свобод, а с другой — она (концепция) давала нравственные основания борьбе людей за свои права и служила гарантом от посягательства на них со стороны авторитарной и деспотической власти.

4. Народническое (авторитарное) понимание прав человека

Несколько позднее, во второй половине XVIII в., возникло новое прочтение проблемы сосуществования государственной власти, гражданского общества и прав человека. Его родоначальником принято считать известного французского философа и просветителя Жан-Жака Руссо. Его понимание проблемы можно обозначить как народническое (авторитарное), которое затем было подхвачено и развито применительно к новым историческим реалиям марксистами, социал-демократами и идеологами национал-социализма.

Являясь сторонником теории общественного договора, Ж.-Ж. Руссо считал, в отличие от Дж. Локка, что первый общественный договор, который заключили люди по предложению «хитроумных богатых», лишь дополнил имущественное неравенство политическим. Переход же в состояние истинной свободы, по Ж.-Ж. Руссо, предполагал заключение ещё одного, теперь уже истинного, общественного договора. После заключения «второго» общественного договора гражданские права и свободы поступали под защиту сообщества. Только теперь индивидуальные права приобретали юридический характер, ибо они обеспечивались не кучкой «хитроумных богатых», а взаимным согласием и совокупной силой всех граждан. Ж.-Ж. Руссо считал, что, подчиняясь сообществу, индивид не подчинял себя никому в отдельности и, значит, оставался «таким же свободным, каким он был раньше». Свобода и равенство участников договора обеспечивали объединение народа в неразрывное целое (коллективную личность), интересы которого не могли противоречить интересам частных лиц. Вступая в полемику с представителями либерализма, Ж.-Ж. Руссо указывал, что политическая свобода возможна лишь в том государстве, где законодательствует народ. Свобода, по определению Ж.-Ж. Руссо, состоит в том, чтобы граждане находились под защитой законов и сами их принимали. По мнению Ж.-Ж. Руссо, участие всех граждан в формировании законодательной власти исключало принятие решений, которые могли бы нанести ущерб отдельным лицам. При таком понимании народного суверенитета соответственно отпадала необходимость в том, чтобы верховная власть была ограничена естественными правами индивида. Её границами служили общие соглашения граждан, а общее благо, как цель государства, по его убеждению, могло быть выявлено только большинством голосов. «Общая воля всегда права» — утверждал Ж.-Ж. Руссо. И поскольку общая воля находит свое выражение в разумном законодателе, граждане должны полностью полагаться на него — на того, «кто берет на себя смелость дать установления какому-либо народу». «И если кто-нибудь откажется повиноваться общей воле, — продолжал Ж.-Ж. Руссо, — то он будет принужден к повиновению всем политическим организмом, а это означало лишь то, что его силой заставят быть свободным».

На практике эти рассуждения вели к поглощению государством гражданского общества, ибо ничем не ограниченная власть народа оз-

начала формирование и государства, пределы власти которого определялись бы уже не им самим (народом), а волею того или иного диктатора, сумевшего установить контроль над государственным аппаратом. Так, на первый взгляд, сверхдемократизм рассуждений Ж.-Ж. Руссо оборачивался возможностью установления в реальной жизни авторитарного режима, что и было блестяще подтверждено «Великой» Французской революцией. Неограниченная власть толпы всегда заканчивается её собственным порабощением.

Конечно, марксисты и социалисты разных направлений придали этой концепции современный характер, сформулировали понятие о социально-экономических правах. Но суть этого подхода к пониманию прав человека, пожалуй, осталась неизменной: права одного человека могут быть нарушены во имя интересов государства, диктатуры пролетариата, нации, вождя, арифметического большинства граждан. Причем это может происходить наряду с торжественным признанием и провозглашением неотъемлемых и неотчуждаемых прав человека. В этом и заключается принципиальное различие между либеральным и народническим, в том числе и социал-демократическим, подходом к пониманию прав человека.

5. Права человека в консерватизме

Решающим толчком для формирования идейного течения, известного под названием «консерватизм», стало восприятие так называемой Великой французской революции как трагического крушения казавшегося прочным прежнего порядка. Размышляя над последствиями революции, разорвавшей живые ткани общественных связей и пытавшейся насадить исторически неизвестные общественные формы, Эд. Бёрк, Ж. де Местр и другие пришли к выводу, что общество есть исторически развивающийся организм, а не механическая совокупность, сложенная по умозрительному проекту. Революцию они считали результатом реализации теории общественного договора на практике. С их точки зрения, социальные катастрофы всегда есть следствие легкомысленных и самонадеянных попыток политиков, которые, в надежде построить «наилучшее», желают переделать то, что сложилось исторически. В XIX в. органическое понимание социальной жизни становится в той или иной мере всеобщим достоянием социологической мысли. Это привело к тому, что почти до начала 70-х гг. XX в. теория общественного договора и идея естественных прав человека, лежащие в основе гражданского общества, были порядком подзабыты.

По мнению консерваторов, либеральные концепции в их «чистом виде» концентрируются, как правило, вокруг идей прав личности, индивидуализма, политической и экономической свободы, демократии, свободной конкуренции, максимальной эффективности. Либерализм, согласно сути самого этого понятия, исходит из общего тезиса, что свобода, предоставляемая государством индивиду и иным социальным субъектам, есть не только необходимое, но и достаточное условие для достижения результативных социальных целей. Контраргументы консерватизма сводятся к указанию на бессодержательность, абстрактность либеральных идей, в которых отсутствует духовное наполнение, обретаемое через ориентацию на социальную консолидацию, общенациональные и традиционные ценности. Естественные свободы и права человека, которые отстаивают либералы, консерваторами также рассматриваются как необходимые, но всё же не достаточные условия нормального социального развития. Консерватизм не ограничивается «пустой» свободой — свободой самой по себе. Он претендует на выдвижение содержательного идеала, основания которого усматриваются чаще всего в божественном начале, истории, культуре и традициях. Поэтому в его рамках не остаются без внимания вопросы этического смысла и цены социального и экономического прогресса. Консерваторы не без основания считают, что на либералах лежит толика вины за социальные эксперименты, которые проделывали и проделывают вооруженные народническими представлениями о ходе развития истории политические партии и общественные деятели. Действительно, при определенном стечении исторических обстоятельств либерализм способен эволюционировать в демократизм, а «общая воля» способна взять верх над зыбкой и недостаточно онтологически основательной теорией естественных прав человека. Не доверяя «сну разума», который может порождать «чудовищ», консерваторы видят в следовании вечным ценностям, провозглашаемым в религиозных доктринах, а также в незыблемости традиционных устоев наилучшее средство защиты от массовых нарушений прав человека, которыми столь богат был XX век.

6. Заключение

Парадокс истории заключается в том, что идея прав и свобод человека, появившаяся в XVII в., по мере своего развития, с феноменологической точки зрения, под влиянием идей просвещения и веры в возможность искоренения и преодоления «вредных» начал в природе человека эволюционировала постепенно в свою полную онтологическую противоположность. Первая по времени народная революция — Великая французская — это наглядно показала, поскольку принесла неисчислимые бедствия тому самому народу, ради блага и счастья которого она совершалась. Гильотина по праву может считаться порождением народнического понимания прав человека. Как средство воспитания и борьбы с несогласными в XX веке она трансформировалась в систему концлагерей с газовыми печами.

Установление в той или иной стране демократии народнического толка, несмотря на клятвенные заверения новоявленных правителей о соблюдении ими неотъемлемых и неотчуждаемых прав человека, рано или поздно приводило к небывалым по размаху и массовости нарушениям этих прав, поскольку подобная модель развития общества не может воспроизводиться естественным способом — она требует постоянного насилия как над фактами социальной жизни, так и над людьми.

К сожалению, в Беларуси 90-х гг. этот сценарий может повториться. Слабость консервативных начал как в идеологии, так и в повседневной жизни людей на фоне абстрактных рассуждений демократических политиков о правах и свободах человека уже привела к совершению народнической революции под руководством «чэснага» вождя. Ликвидация законодательной и судебной ветвей власти в ходе так называемого ноябрьского референдума 1996 года, а также последние события вокруг выборов 1999 года показывают, что Беларусь стала страной, в которой её лидер под демагогические разглагольствования о необходимости подчиняться «общей воле» беспардонно присвоил себе права и свободы, изначально принадлежащие народу, и, игнорируя установленные мировым сообществом правила поведения, продолжает шаг за шагом укреплять свою личную власть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Локк Дж.* Избранные философские произведения, тт. 1-2, М., 1960. Свои политико-правовые взгляды Дж. Локк изложил в «Двух трактатах об управлении государством», который впервые был опубликован в 1690 году.

2. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1938, Отдельные, наиболее характерные фрагменты этой работы были опубликованы во втором томе Антологии мировой философии (М., 1970). Эта работа (первое издание вышло в свет в 1762 году) была запрещена во Франции, однако, несмотря на это, она получила широкое распространение как на родине автора, так и в других странах.

3. *Бёрк Эд.* Размышления о революции во Франции. См. в журнале «Социологические исследования» за 1991 год, №№ 6,7,9, за 1992 год, № 2 и за 1993 год, № 4.

4. *Манхейм К.* Консервативная мысль. См. в кн.: Диагноз нашего времени. М., 1994, с.572-668.

Пётр ЯНЭЦКІ,
біскуп

ПРАВЫ ЧАЛАВЕКА Ў ГРАМАДСКІМ ВУЧЭННІ КАТАЛІЦКАЙ ЦАРКВЫ

1. Сустрэча двух юбілеяў — гістарычны аспект правоў чалавека ў сацыяльным вучэнні каталіцкай царквы

У 1998 годзе адзначаецца пяцідзесяцігоддзе Усеагульнай Дэкларацыі правоў чалавека, прынятай 10 снежня 1948 года. Таксама ў гэтым годзе, на некалькі месяцаў раней, 11 красавіка, споўнілася 35 год грамадскай энцыклікі «Pacem in terris», якую часта называюць каталіцкай вялікай картай альбо каталіцкай дэкларацыяй правоў чалавека. Сустракаюцца два юбілеі, а ў іх два дакументы — свецкі і царкоўны. У гэтых дакументах адбываецца збліжэнне двух традыцый у правах чалавека: значна даўжэйшай хрысціянскай традыцыі з карацейшай свецкай традыцыяй правоў чалавека, асабліва той, якой далі пачатак Эпоха Асветы і Французская рэвалюцыя. Сустрэча двух юбілеяў нясе з сабою ўсё багацце гістарычных суадносін гэтых традыцый. Іх можна абагульніць з дапамогай трыяды: поўная адмова і дыстанцыраванне (да Леона XIII), збліжэнне (да Пія XII), пазітыўнае развіццё хрысціянскага разумення правоў чалавека (ад Яна XXIII).

У энцыкліцы «Pacem in terris» Ян XXIII называе Усеагульную Дэкларацыю правоў чалавека «актам найвышэйшага значэння, выкананым Аб'яднанымі Нацыямі», прызнае гістарычны працэс, які прывёў да сфармулявання ў гэтай дэкларацыі тэмы годнасці, вольнасці і роўнасці чалавечай асобы. Папа ў якасці найвышэйшага настаўніка каталіцкай царквы заняў выразную пазіцыю па праблемах правоў чалавека. Ён вярнуў прыроджаную і незваротную падтрымку вольнасці, якую хрысціянства, пачынаючы з першых стагоддзяў, прыносіла чалавеку праз абарону рэлігійнай свабоды. У ёй, як у зародку, прысутнічаў здабытак кожнай вольнасці думкі, слова, аб'яднанняў. Ён шчыра падтрымліваў далучэнне каталіцкай царквы да ўсялякага абвяшчэння правоў, якое абапіраецца на праўду аб чалавеку, які з'яўляецца асобай, суб'ектам правоў і абавязкаў. Адначасова Папа сцвярджаў, што эфектыўнае напаўненне такога прызнання правоў залежыць ад гістарычнай сталасці міжнароднага супольніцтва, якое мае эфектыўную ўладу, здольную ўплываць на ўчынкі як груп, так і асобных людзей.

Грамадская хрысціянская думка, у аднолькавай ступені айчынная і сярэднявечная, ужываючы элементы грэчаскай і рымскай філасофскай рэфлексіі і ўдасканальваючы грамадскае разуменне чалавека і яго асобы, пабудавала салідны інтэлектуальны гмах, фундаментам якога заўсёды застаецца прызнанне асабістага характару чалавека з яго правамі. Як функцыю такім чынам зразуметага чалавека трэба тлумачыць адзінства грамадскага і палітычнага жыцця. Гэтая разумовая плынь дасягнула сваіх вяршынь у лістах святога Аўгусціна і святога Фамы Аквінскага.

Эпоха Адраджэння прынесла мноства прававых, палітычных і сацыяльных праблем, звязаных, напрыклад, з адкрыццём Амерыкі і з'яўленнем сучаснай дзяржавы, якія мабілізавалі хрысціянскіх мысліцеляў да выпрацоўкі, асабліва ў XVI стагоддзі, больш сучаснай дактрыны на тэму чалавечай асобы і яе асноўных правоў. У той перыяд каталіцкая царква натхняла на абарону правоў чалавека. Дастаткова ўспомніць буллу Папы Яўгена IV «Dudum nostras» ад 1453 года, скіраваную супраць дрэннага абыходжання з неграмі на Канарскіх астравах, ці буллу «Veritas ipsa» Паўла III ад 1537 года, прысвечаную абароне годнасці індзейцаў. Трэба таксама ўспомніць актыўны ўдзел такіх каталіцкіх мысліцеляў, як Барталамэ дэ Лас Касас, Францішак дэ Віторыя альбо Францішак Суарэс, і ўсю іспанскую прававую школу таго перыяду. Пералічаныя прадстаўнікі каталіцкай думкі яшчэ не выпрацавалі сапраўднага каталогу правоў чалавека, але ў сваіх працах яны развілі сэнс амаль усіх асноўных правоў, якія сустракаюцца ў сучасных дэкларацыях: ад права на жыццё, фізічную інтэгральнасць да права

на шлюб і сям'ю. Ад права на сацыяльную і палітычную вольнасць, якое ўтрымлівае ў сабе ўмовы службы вольнага грамадзяніна публічнай уладзе, да права на роўнасць і прававыя гарантыі. Ад права на ўласнасць да права на свабоду аб'яднання. Ад права на эміграцыю да права сяліцца ў любой частцы зямнога шара.

Аднак, трэба сумленна прызнаць, што не ва ўсе гістарычныя эпохі каталіцкая царква з дастатковай прамалінейнасцю і энергіяй бараніла і ініцыявала правы чалавечай асобы. Калі мы прасочым гісторыю каталіцкай царквы і яе адносіны да свецкага грамадства на працягу апошніх двух стагоддзяў, то заўважым мноства супярэчнасцяў, незразумення і нават варожасці з боку каталіцкай царквы да сучаснай ідэі правоў чалавека, вылучаных ідэалогіяй лібералізму і сэкулярызацыі. Калі ў XVII і XVIII стагоддзях былі абвешчаны чалавечыя правы і свабоды, сфармуляваныя ў Дэкларацыі правоў чалавека і грамадзяніна ад 1789 года, то, пачынаючы з 1793 года, каталіцкая царква не падтрымлівала гэтыя правы. Зусім наадварот, каталіцкі касцёл пракляў гэтыя правы. Прычын было мноства: пратэстанцкае асяроддзе, у якім яны ўзнікалі, філасофія гэтых правоў — канкрэтна дэізм Лока, натуральнае права, якое існавала толькі ў рацыяналістычным і атэістычным значэнні, рэвалюцыйны радыкалізм. Значныя змены, выкліканыя новымі ідэямі вольнасці, развіццё правоў чалавека і грамадзяніна, пацверджаныя Асветай і Французскай рэвалюцыяй, сэкулярызацыя грамадства ў адказ на клерыкалізм, неабходнасць супрацьстаўлення абыякавасці, натуралізму, а перад усім — усеагульнай і антыклерыкальнай свецкасці, ліберальнай у сваіх канцэпцыях і агрэсіўнай у адносінах да каталіцкай царквы і любой формы рэлігійнасці, змусілі папаў выбраць пазіцыю асцярожнасці, негатыўнасці, варожасці і нават праклён сучасных правоў чалавека. Папа Пій VI у булле ад 10 сакавіка 1790 года пракляў артыкулы 10 і 11 Дэкларацыі, а 29 сакавіка 1790 года гаварыў на кансісторыі аб гэтых правах як аб «правах жахлівых». Пазіцыя адмовы каталіцкай царквы ад сучасных свабод захоўвалася амаль на працягу ўсяго XIX стагоддзя. Гісторыкі разважаюць, чаму так адбылося. Кароткую аргументацыю я ўжо прывёў вышэй. Мы не маем шмат часу займацца гэтай праблемай. Дастаткова сказаць, што ў гэтыя часы каталіцкая царква не здолела заўважыць пад тоўшчай памылак праўду ці нават хрысціянскую сутнасць, якая ажывіла рух да вольнасцяў. Канфрантацыя паміж тагачаснай каталіцкай царквой і тагачасным новым светам была настолькі вялікай, што рабіла немагчымым адпаведнае распазнаванне, вядомае цяпер — пасля II Ватыканскага Сабору — як discernimento.

Мы назіраем пацяпленне ў адносінах каталіцкай царквы да сучасных правоў чалавека пад час пантыфікату Лявона XIII. Разам з энцыклікай «Libertas» пачынаецца далікатны працэс распазнавання — discernimento, ачышчэння і засваення хрысціянскіх ідэй, заключаных у асноўных спадзяваннях сучасных свецкіх дэмакратый. Энцыкліка «Rerum novarum» паказвае правы чалавека ў грамадскім і эканамічным аспектах і злучае іх з абавязкам публічных улад бараніць справядлівасць у сектары працы. Усе наступныя вялікія грамадскія энцыклікі і важныя прамовы папаў маюць элемент абароны і развіцця правоў чалавечай асобы. Прызнанне правоў чалавека ў сацыяльным вучэнні каталіцкай царквы дасягае сваёй вяршыні ў энцыкліцы «Centesimus annus» Яна Паўла II. Папа сцвярджае, што пасля падзення камуністычнага таталітарызму, мноства іншых таталітарных сістэм і так званых сістэм «нацыянальнай бяспекі» назіраецца дамінацыя дэмакратычнага ідэалу, які звязаны з цікавасцю да правоў чалавека. Дэмакратыі трэба забяспечыць адпаведныя і моцныя падставы праз выразнае прызнанне гэтых правоў. Ян Павел II прыводзіць таксама пералік найважнейшых правоў: права на жыццё, непадзельнай часткай якога з'яўляецца права на развіццё плода пад сэрцам маці з моманту зачацця; права на жыццё ва ўнутрана цэласнай сям'і і ў маральным асяроддзі, якое спрыяе развіццю асобы; права на развіццё ўласнага інтэлекту і вольнасці ў пошуку; пазнаванне праўды; права на ўдзел у працы дзеля ўдасканалення багаццяў зямлі і здабывання сродкаў для ўтрымання сябе і сваіх блізкіх; права на свабоднае стварэнне сям'і, нараджэнне і выхаванне дзяцей, дзякуючы адказнай рэалізацыі ўласнага полу. Крыніцай і сінтэзам гэтых правоў з'яўляецца рэлігійная свабода, калі разумець яе як права на жыццё ў праўдзе сваёй веры і згодна з трансцэдэнтнай годнасцю ўласнай асобы.

У той час, калі ліберальныя і сацыялістычныя традыцыі падкрэсліваюць важнасць грамадзянскіх, сацыяльных, палітычных правоў, характэрны ўклад сацыяльнага вучэння каталіцкай царквы ў развіццё правоў чалавека

знаходзіцца ў інтэгральным іх злучэнні і іх вычарпальнай фармуліроўцы — пачынаючы ад самых фундаментальных правоў.

10 снежня гэтага года мы будзем святкаваць 50-годдзе Усеагульнай Дэкларацыі правоў чалавека. Усе папы, пачынаючы з Яна XXIII, выказваліся аб ёй пазітыўна. «Pacem in terris» называе Дэкларацыю «актам найвышэйшага значэння, выкананым Аб'яднанымі нацыямі». Хаця Ян XXIII не цалкам ухваляе некаторыя пункты Дэкларацыі, але сцвярджае, што дакумент стаў важным крокам на шляху арганізацыі палітычна-прававой міжнароднай супольнасці. Павел VI у штогадовых пасланнях з нагоды 20 і 25 гадавін Дэкларацыі падкрэслівае, што «яна складае шлях, з якога чалавецтва не можа сысці, калі шчыра імкнецца да міру». Ён называе яе таксама «адной з найлепшых старонак славы Арганізацыі Аб'яднаных Нацый і агульным скарбам усяго чалавецтва».

Ян Павел II у адной з прамоў у сядзібе ААН сцвярджае, што Усеагульная Дэкларацыя правоў чалавека «падкасіла карэнні вайны, паколькі дух вайны з'яўляецца і паспявае там, дзе адбываецца гвалт над неад'емнымі правамі чалавека». Ён называе таксама Дэкларацыю «верставым слупом на доўгай цяжкай дарозе чалавечага роду».

З вышэй прыведзеных выказванняў вынікае, што каталіцкі касцёл пазітыўна ацэньвае Усеагульную Дэкларацыю правоў чалавека. Аднак мы не павінны замоўчваць пэўныя яе недасканаласці. Найвышэйшай з іх з'яўляецца адсутнасць філасофскага фундамента правоў чалавека. Стваральнікі Дэкларацыі напэўна знайшлі кансэнсус па прынцыпах дзейнасці і правілах паводзін, пры тым, што тэарэтычная і філасофская аргументацыя іх была вельмі разнароднай, а часам і супрацьлеглай. Адсюль вельмі праўдападобна, што Дэкларацыя з'яўляецца выражэннем пэўнага практычнага кампрамісу па тэме правоў чалавека. Аднак было немагчыма знайсці і прапанаваць іх агульную і тэарэтычную аргументацыю. Сярод 48 дзяржаў, якія падпісалі Дэкларацыю (нагадаем, што ўстрымаліся ад галасавання 8 дзяржаў камуністычнага блоку), папросту не было згоды ў тэарэтычнай і філасофскай аргументацыі правоў чалавека. Бясспрэчна, што выражаныя ў Дэкларацыі правы чалавека грунтуюцца на годнасці чалавечай асобы, аднак у ёй не гаворыцца, кім з'яўляецца чалавечая асоба і чаму яна валодае неад'емнай годнасцю. Не гаворыцца, чаму чалавечая асоба павінна мець неад'емныя правы. І гэта з'яўляецца бадай найбольшай слабасцю Дэкларацыі правоў чалавека ад 1948 года.

На самой справе вядома, што непарушнасць правоў чалавека залежыць ад канцэпцыі чалавечай асобы. Калі яна мае вартасць абсалютную, трансцэндэнтную, тады і правы чалавека маюць вартасць абсалютную. Калі чалавечая асоба мае вартасць адносную, тады і правы чалавека адносныя. Адсюль Дэкларацыя, якая не ўтрымлівае аргументацыі правоў чалавека, можа быць інтэрпрэтавана на розныя спосабы, нават супрацьлеглыя, і рызыкуе стаць гістарычна безвынiковай, зрабіцца ўсяго толькі звыклай фармальнай дэкларацыяй. Гэтыя хібы кампенсуе каталіцкая дактрына па правах чалавека. Сацыяльнае вучэнне каталіцкай царквы ўтрымлівае ў сабе аргументацыю гэтых правоў. Гэтай праблеме прысвечана другая частка маёй прамовы.

2. Чаму правы чалавека неад'емныя. Характарыстыка правоў чалавека ў сацыяльным вучэнні каталіцкай царквы

а) Фундамент правоў чалавека — годнасць чалавечай асобы

Правы чалавека базуюцца на годнасці чалавечай асобы, пазнанай розумам, паглыбленай у святле Уцелаўлення і Уваскрашэння Хрыста. Чалавек быў створаны Богам на Сваё падабенства. Быў збаўлены Хрыстом праз Сваё мучэнне і ўваскрашэнне. Бог заўсёды любіць чалавека. Ласка чыніць чалавека сынам Божым. Мэтай жыцця чалавека з'яўляецца Бог, у Ім чалавек дасягае сваёй канчатковай дасканаласці. Гэтыя праўды складаюць фундамент аднолькавай годнасці ўсіх асоб. Таму II Ватыканскі Сабор сцвердзіў, што любая дыскрымінацыя, якая датычыць асноўных правоў асобы, ці то ў грамадскай (сацыяльнай) галіне, ці ў галіне культуры, або па полу, расе, колеры скуры, грамадскай пазіцыі, мовы альбо рэлігіі, павінна быць перададолена, паколькі супярэчыць Боскай задумцы.

Таму для каталіцкай царквы абарона і распаўсюджанне правоў чалавека з'яўляецца патрабаваннем яе евангельскай місіі. Ян Павел II яскрава выразіў гэта ў сваёй першай энцыкліцы «Redemptor hominis», сцвярджаючы, што найпершай дарогай каталіцкай царквы з'яўляецца

чалавек. З тэалагічнага пункту гледжання годнасць чалавечай асобы — фундамент правоў чалавека — зыходзіць з наступных шасці ісцін. Па-першае, чалавек — гэта вобраз Бога. Ён удзельнічае ў розуме, волі і ўладзе самога Бога. Чалавек мае духоўную прыроду, адкрытую да праўды, дабра і прыгажосці. Ён адкрыты да Абсалюту. І толькі шляхам адданасці сябе Богу можа заспакоіць сваю тугу. Па-другое, чалавек здольны пазнаць сябе самога. У сваім сумленні ён знаходзіць маральны закон, які прыводзіць яго да паводзін, згодных з законам, які ўсталяваў сам Творца. Таму чалавек мае свабоду паводзін, згодных з сумленнем. Па-трэцяе, усе людзі ствараюць транцэндэнтальнае, звышнатуральнае братэрства. Паміраючы на крыжы, Ісус Хрыстос даў усім людзям магчымасць стаць новым стварэннем. Усе тыя, хто да Яго належаць, ствараюць адну Божую сям'ю, у якой, як гаворыць святы Павел, «няма ўжо ні іудзея, ні язычніка, няма ўжо ні раба, ні чалавека вольнага, няма ўжо ані мужчыны, ані жанчыны, бо ўсе вы з'яўляецеся кімсьці адзіным у Ісусе Хрысце». Па-чацвёртае, чалавек атрымаў запавет любові. Чалавек нараджаецца і чэрпае ўсю сваю годнасць з рэалізацыі любові да Бога. Хрыстос аб'явіў нам Бога — Любоў і навучыў нас закону любові, з якога нараджаецца ўсеагульная салідарнасць. Хрысціянская любоў утрымлівае ў сабе абсалютнае патрабаванне справядлівасці, а тым самым прызнае годнасці і правы бліжняга. Па-пятае, чалавек быў звольнены Хрыстом ад грахоў, каб ён мог мець поўную свабоду. Грэх, эгаістычная канцэнтрацыя на сабе самім, і адвяржэнне закона любові нараджаюць карэнні любой несправядлівасці і з'яўляюцца замахам на годнасць чалавечай асобы і яе падставовыя правы. Па-шостае, мэтай чалавека з'яўляецца эсхаталагічная мэта. Царства Божае ўжо існуе, рэалізуецца ў гісторыі, але сваіх поўных памераў дасягне пасля паўторнага прышэсця Хрыста. Хрысціянскае актыўнае чаканне новага неба і новай зямлі, у якіх будзе здзейснена поўная справядлівасць, шчасце, мір, ажыўляе зацікаўленасць хрысціяніна правамі чалавека на гэтай зямлі.

Хрысціянства падкрэслівае найвышэйшую годнасць чалавека сярод усіх створаных істот, паколькі ён адлюстроўвае ў сабе Боскі вобраз. Менавіта таму чалавек ніколі не можа быць выкарыстаны ў якасці сродка дзеля дасягнення мэты. Ён не рэч сярод рэчаў. Ён асоба, а значыць — суб'ект. Ніякая тэхнічная ці палітычная патрэба не можа ператварыць чалавека ў рэч, у прадмет.

б) Правы чалавека з'яўляюцца натуральнымі правамі, якія адкрываюцца і выкарыстоўваюцца ў гістарычнай дынаміцы

Нельга не ўпамянуць пра натуральнае права, калі ёсць жаданне падвесці ўласцівую базу пад правы чалавека. Аднак трэба разабрацца, што такое натуральнае права, бо напэўна гэта тэма супярэчлівая, як ніякая іншая. Перш за ўсё трэба сцвердзіць: чалавек мае сваю прыроду, сваю сутнасць, з чаго вынікае, што чалавек з'яўляецца чалавекам, а не кімсьці іншым. З факта існавання чалавека вынікае, што ён павінны жыць у пэўных рамках, калі хоча захаваць тоеснасць з самім сабой, гэта значыць поўнасцю сябе рэалізаваць.

Гэта і ёсць натуральныя правы: закон непісаны, альбо, калі камусьці больш падабаецца, запісаны ў самім чалавеку, і ён паказвае чалавеку яго абавязкі і яго правы, калі чалавек хоча застацца чалавекам. Можна сказаць, што з факту існавання чалавека паходзіць факт неабходнасці ім быць. Паколькі я з'яўляюся чалавекам, таму я павінны паводзіць сябе так, а не інакш. Выраз «павінны» ўказвае на маральную павіннасць, паколькі маральнае права з'яўляецца нарматыўным. Недастаткова сцвярджэнне факту, як чалавек сябе паводзіць. Недастаткова апісаць паводзіны чалавека. Маральнае права прадпісвае, як чалавек павінен сябе паводзіць, каб быць сапраўды чалавекам. У сацыяльным вучэнні каталіцкай царквы правы чалавека разумеюцца як правы натуральныя, гэта значыць як правы, якія належаць чалавеку ў адносінах да яго чалавечай натуры, яго асабовай існасці. Паколькі чалавек з'яўляецца чалавекам, таму валодае чалавечымі правамі. Немагчыма быць чалавекам, не маючы гэтых правоў.

Нярэдка папракаюць, што натуральныя правы статычныя, не суадносяцца з гісторыяй, з рознымі сітуацыямі, у якіх чалавек жыве, не звязаны з рознымі культурнымі эпохамі. Затое чалавек, падкрэсліваюць, з'яўляецца істотай гістарычнай у большай ступені, чым «натуральнай», і таму нормы, якія ўсталяваны раз і назаўсёды, нормы абсалютныя, з'яўляюцца немыслімымі, бо супярэчылі б самой чалавечай годнасці. Адказваючы на гэты папрок, трэба сцвердзіць, што натуральнае права не з'яўляец-

ца сістэмай аксіом. Каб так было, чалавецтва адразу, з самога пачатку, ведала б увесь спіс правоў чалавека. Праблемай было б толькі іх практычнае прымяненне. Таксама пэўна, што правы чалавека захоўваюць сувязь з гісторыяй і культурай. На самой справе, натуральнае права пазнаецца ўнутры гісторыі, унутры нашых культурных умоўнасцяў. Звычайна, выконваецца гэта з вялікай цяжкасцю. Патрэбны быў доўгі час, каб заўважыць, што мужчына і жанчына маюць роўную годнасць, і спатрэбіцца яшчэ больш часу, каб канкрэтызаваць гэты прынцып. Права на працу і вучобу, права на рэлігійную свабоду і пошук ісціны былі выдзелены і ўдакладнены ў гістарычным развіцці. Гэта не азначае, што яны з'яўляюцца правамі рэлятыўнымі, абсалютнымі. Гэта азначае толькі, што мы іх пазнаем і прымяняем у нашай гістарычнай сітуацыі. Гэта вельмі важнае сцвярджэнне, якое прымае да ўвагі ў аднолькавай ступені як абсалютны, беззадносны, так і гістарычны характар натуральнага права і правоў чалавека. Натуральнае права з'яўляецца абсалютным. Наш спосаб яго пазнавання і прымянення — гістарычны. Евангелле садзейнічала разуменню натуральнага права, ачысціла маральнае сумленне чалавецтва, лепш паказала чалавека чалавеку, дапамагло ўбачыць годнасць асобы. Тое ж самае адбывалася на працягу гісторыі. Таксама трэба высветліць адносіны натуральнага права да культуры. Праўда, што чалавек — таксама культура, але гэта не азначае, што натуральнае права з'яўляецца рэлятыўным у адносінах да культуры, бо чалавек — гэта не толькі культура. Натура чалавека перакрочвае ўсе культуры, якія нібы з'яўляюцца дарогамі, што вядуць да той самай чалавечай натуры. Чалавечая натура з'яўляецца мерай культуры, а не наадварот!

в) Характэрныя прыкметы правоў чалавека

Незалежнасць, непадпарадкаванасць. Правы чалавека не знаходзяцца ні ў чым распараджэнні, ніводнага чалавека, ніводнага супольніцтва, не залежаць ні ад каго. Яны з'яўляюцца спадчынай чалавецтва і належаць чалавечай асобе як такой. Ніхто не можа іх устанаўліваць, нават сувярэнныя дэмакратычныя супольнасці. Ніхто не можа іх змяняць. Яны існавалі спрадвеку, як спрадвеку існаваў чалавек, і толькі патрабуюць, каб іх паважалі.

Абсалютнасць, беззадноснасць. Правы чалавека не залежаць ні ад каго. Не залежаць ад гістарычных эпох і культур. Як ужо гаварылася, правы чалавека пазнаюцца ў гісторыі і культуры, але існуюць «ад веку», належаць чалавечай асобе. Можна сказаць, што яны такія ж старыя, як і сам чалавек. У пэўны перыяд былі адкрыты, скадыфікаваны. Аднак іх вартасць не залежыць ад таго, хто іх адкрыў і скадыфікаваў. Яны не могуць змяняцца, паколькі чалавечая асоба не змяняецца ў тым, што для яе істотна. Іх можна згубіць з поля бачання. Яны могуць быць дрэнна зразумелыя і яшчэ горш рэалізаваныя, але заўсёды застаюцца самімі сабой!

Непадзельнасць. Існуе шмат правоў чалавека, але ніводнае з іх не супрацьпастаўляецца іншаму, яны ўзаемадапаўняюцца. Яны — як злучаныя сасуды. Іх многа, але можна сказаць, што ёсць толькі адно права на існаванне і на жыццё ў якасці чалавечай асобы. Таму правы чалавека павінны выконвацца ўсе разам. Хто выконвае адно права, а не дбае пра іншыя, не пабудуе трывалую грамадска-палітычную сістэму. З іншага боку: калі аўтарытарная сістэма робіць саступкі для аднаго права, такім чынам дае пачатак ланцуговай рэакцыі. Адно права змушае паважаць іншыя правы.

Усеагульнасць. Правы чалавека датычаць асобы як такой. Дастаткова быць чалавекам, каб мець гэтыя правы. Яны ўніверсальныя, датычаць усіх людзей. Яны не прывязаны да грамадскіх правоў, не залежаць ад культуры ці прыналежнасці да нейкай расы. Не залежаць ад жыццёвай сітуацыі, як жыццё ў матчыным улонні, ці існаванне ў якасці старога, дзіцяці, кабеты, мужчыны. Перакрочваюць граніцы геаграфічнай шыраты і даўгаты.

Узаемнасць. Правы чалавека захоўваюць моцную сувязь з абавязкамі. Кожнаму праву адпавядае абавязак — аднолькава ў гэтай самой асобе, як і ў супольніцтве. Калі я маю права на ахову здароў'я, то супольніцтва мае абавязак дбаць пра гэтую апеку, а я ў сваю чаргу маю абавязак плаціць падатак. Калі я маю права на базавую адукацыю, то супольніцтва мае абавязак арганізаваць адукацыю, а я ў сваю чаргу маю абавязак сумленна вучыцца, каб не змарнаваць сродкі, вызначаныя супольнасцю на маю адукацыю.

Звышнатуральны фундамент. Беззадноснасць і ўсеагульнасць правоў чалавека ўспрымаецца таксама людзьмі няверуючымі, якія атоесамліваюць яе з годнасцю чалавечай асобы. Паўстае пытанне: якім чынам настолькі абмежаваная, нестабільная рэальнасць, якой з'яўляецца чалавек, можа быць падставай чагосьці абсалютнага, чым з'яўляюцца правы чалавека? Таму сацыяльнае вучэнне каталіцкага касцёла гаворыць, што чыста чалавечы фундамент правоў чалавека не з'яўляецца поўнасцю задавальняючым, пераканаўчым. Правы чалавека з погляду на іх беззадноснасць патрабуюць адпаведнага, таксама абсалютнага фундамента. Ім з'яўляецца Бог, з якога бярэ пачатак «трансцэндэнтальная годнасць чалавечай асобы».

г) Абшары правоў чалавека

Правы чалавека немагчыма абмежаваць закасцянелым спісам, але можна ачарціць пэўныя абшары, якія імі занятыя, каб усвядоміць сабе іх складанасць і ўсеаб'емнасць.

Абшар права на жыццё — уключае ў сябе права на існаванне з моманту зачацця аж да натуральнай смерці, права на фізічную інтэгральнасць, і як яе вынік — асуджэнне катавання і забойства.

Абшар фундаментальных свабод уключае ў сябе права на свабоду думкі, сумлення, рэлігіі, выказванне поглядаў і пошукаў ісціны.

Абшар права на бяспеку ўключае ў сябе права мець нацыянальнасць, права быць юрыдычнай асобай, на роўнасць перад законам, павагі да асобы, на добрае імя, на сацыяльнае забеспячэнне, на бяспеку ў выпадку хваробы, удаўства, беспрацоў'я, старасці, права на спецыяльную абарону сям'і і дзяцей.

Абшар эканамічных і працоўных правоў уключае ў сябе права на працу, уласнасць, эканамічную ініцыятыву, на адпаведныя ўмовы працы, на справядлівую аплату, на роўнасць адносін да сябе, на адпачынак у вольны час.

Абшар грамадскіх правоў уключае ў сябе права на аб'яднанне, права на аб'ектыўную інфармацыю, на свабоду перамяшчэнняў і на эміграцыю, права на прытулак для бежанцаў, права на стварэнне сям'і або выбару шляху да святарства ці манастырскага жыцця, права на вучобу, права доступу да грамадскіх пасад і ўдзелу ў кіраванні грамадскімі справамі сваёй краіны, права на ўдзел у культурным жыцці.

Абшар сямейных правоў уключае ў сябе права на заключэнне шлюбу і стварэнне сям'і, на гарманічнае сумеснае жыццё, на сумесны сямейны бюджэт, на сацыяльную палітыку падтрымкі сям'і, права малалетніх на цэласную сям'ю, на маральна здаровае асяроддзе, права жанчын на ўмовы працы, якія ўлічваюць яе статус жонкі і маткі.

д) Правы народаў і нацыянальнасцяў

Правы сям'і, якія толькі што былі прыведзены ў скарачэнні, гавораць нам, што апрача правоў індывідуальных існуюць правы калектыўныя, супольныя, якімі карыстаюцца людзі, аб'яднаныя ў розныя роду згуртаванні.

Правы меншасцяў адносяцца да гэтай катэгорыі правоў. Нацыянальныя меншасці маюць права на існаванне, на грамадскую годнасць, на арганізацыю і на развіццё, на справядлівы падзел багаццяў зямлі і вынікаў развіцця цывілізацыі. Яны маюць таксама права на развіццё сваёй мовы, культуры, звычаяў.

Правы нацыянальнасцяў. Папа Ян Павел II падчас выступлення ў ААН у 1995 годзе звярнуў увагу, што існуе дэкларацыя правоў чалавека, але яшчэ няма дэкларацыі правоў нацыянальнасцяў. У цяперашнюю эпоху глабалізацыі, універсалізацыі, мабільнасьці не губляе сэнса прыналежнасць мясцовая, этнічная, культурная, на якую мы спасылаемся, ужываючы словы «нацыянальнасць». Кожная нацыя мае права на існаванне, хаця гэта не азначае аўтаматычнага права на канстытуіраванне ў форме дзяржавы. Права на існаванне прадугледжвае права на мову, культуру, на фарміраванне жыцця, згодна са сваімі традыцыямі, як у роўнай ступені права на пабудову свайго будучага.

Права на развіццё. Сацыяльная навука каталіцкай царквы будуе гэта права на адзінстве паходжання, а таксама на супольнасці мэты чалавечай сям'і, а таксама на прынцыпе ўсеагульнага прызначэння зямных багаццяў. У «Pacem in terris» Ян XXIII піша, што кожная палітычная супольнасць мае права на існаванне, на ўласнае развіццё, на адпаведныя сродкі, што служаць гэтаму развіццю, на тое, каб быць першай адказнай за ажыццяўленне свайго развіцця.

Права на мір. Існуе вельмі цесная сувязь паміж павагай да правоў чалавека і мірам. Мір зводзіцца да шанавання неад'емных правоў чалавека і правоў народаў. Сацыяльнае вучэнне каталіцкай царквы, асабліва Ян Павел II, бесперапынна гавораць аб праве на мір, узгадваючы аб правах як асобных людзей, так і міжнародных арганізацый: ад барацьбы з гонкай узбраенняў да патрабавання стварэння міжнароднай улады і неабходнасці стварэння новага міжнароднага парадку.

е) Правa будучага

Развіццю навукі, тэхнікі і тэхналогіі спадарожнічае таксама кадыфікацыя новых правоў чалавека, якія ў пэўным сэнсе фармулююцца і ахоўваюцца, калі хтосьці альбо штосьці ім пагражае. Яскравым прыкладам з'яўляецца права на чыстае і здаровае прыроднае асяроддзе. Калі не было праблем з чысцінёй прыроднага асяроддзя, аб гэтым амаль ніхто і не ўзгадваў. Калі цяпер пагроза экалагічнай раўнавазе становіцца фактам, сумленне чалавецтва звяртае ўвагу на гэта права чалавека і адпаведны яму абавязак. У гэтым сэнсе можна гаварыць аб правах будучыні, гэта значыць, аб правах, на якія трэба рабіць асаблівы націск у самай бліжэйшай будучыні, паколькі яны знаходзяцца пад асаблівай пагрозай з боку новых адкрыццяў у галіне навукі і тэхнікі, а таксама новых тэндэнцый у культуры і палітыцы. Пра якія правы ідзе размова?

Правы будучых пакаленняў. З той пары, калі чалавек будзе здольны вычарпаць усе неаднаўляемыя запасы, неадваротна забрудзіць прыроднае асяроддзе, уплываць праз біятэхналогію на тоеснасць асобы, ствараць сітуацыю дзяржаўнай эканамічнай запазычанасці, якая будзе перанесена на наступныя пакаленні, маральным абавязкам з'яўляецца распаўсюджанне правоў чалавека таксама на людзей заўтрашняга дня.

Правы, што датычаць біямедыцыны. Вельмі хуткае развіццё медыцыны і біялогіі робяць неабходным у будучым удакладненне абароны правоў чалавека ў гэтых галінах. Маем на ўвазе права на ўласную генетычную тоеснасьць не толькі для чалавека, які нарадзіўся, але і для таго, што яшчэ народзіцца. Ахова чалавека ад эксперыментаў, права чалавека, звязанае з эўтаназіяй і г.д.

Правы, звязаныя з інфарматыкай. Маем на ўвазе хаця б права на прыватнасць жыцця асобы, асабліва ў той час, калі можна будзе з дапамогай электронікі сачыць за кожным чалавекам, атрымліваючы любога роду звесткі аб гэтым чалавеку, яго звычках, недахопах. Той, хто ў будучыні будзе мець гэтыя звесткі, будзе валодаць безгранічнай палітычнай і эканамічнай уладай. Таму неабходна праца па новым сфармуляванні правоў чалавека, звязаных з гэтай галіной.

Правы чалавека і міжнароднае права. Забойства, гвалт над чалавечымі правамі ўнутры асобных краін, як, напрыклад, Боснія, Руанда, Бурундзі, Самалі, выклікалі ў міжнароднай свядомасці разуменне неабходнасці «гуманнага ўмяшальніцтва» з боку міжнароднай супольнасці з мэтай абароны асноўных чалавечых правоў, якія парушаюцца. Гэта нясе з сабой далікатныя праблемы, звязаныя з умяшаннем ва ўнутраныя справы асобных дзяржаў, а ў сувязі з гэтым узнікае неабходнасць па-новаму сфармуляваць паняцце «сувярэннасць дзяржавы». Трэба таксама стварыць новыя міжнародныя інструменты, міжнародныя арганізацыі, якія б абаранялі правы чалавека, як, напрыклад, Міжнародны Трыбунал па злачынствах супраць чалавечнасці.

Правы дзяцей. Дзеці вельмі часта пазбаўляюцца годнасці чалавечай асобы. Іх гвалтуюць, да іх дрэнна ставяцца, не паважаюць іх прыватных правоў, у тым ліку ў сродках масавай інфармацыі, усё часцей у няпоўных сем'ях іх змушаюць да працы ў малым узросце і г.д. Гэта складае вялікі выклік будучай цывілізацыі.

Сацыяльнае вучэнне каталіцкай царквы, якое спадарожнічае чалавеку праз зменлівыя часы, чалавека ніколі не пакіне і будзе далей стаяць на ахове яго неад'емных правоў, што маюць пачатак у самой прыродзе чалавека, якія з'яўляюцца адлюстраваннем яго асабістай годнасці.

***

Дэвізам майго выступлення я хачу зрабіць словы папы Яна XXIII, узятыя з сацыяльнай энцыклікі «Pacem in terris» №45: «Калі падставы міжнародных адносін фармулююцца як правы і абавязкі, тады людзі адкрываюць для сябе сапраўднасць духоўных вартасцяў і з кожным разам усё лепш разумеюць, што ёсць ісціна, справядлівасць, каханне, вольнасць, а таксама ўсведамляюць сабе, што яны з'яўляюцца членамі супольнасці. Гэтым самым яны крочаць у бок лепшага разумення сапраўднага Бога. Яны робяць з адносін паміж чалавекам і Богам фундамент і найвышэйшы прынцып жыцця».

Тэкст выступлення на III Міжнароднай канферэнцыі па правах чалавека, якая адбылася ў кастрычніку 1998 г. у Варшаве.

Пераклад з польскай мовы на беларускую Яна Жылінскага

Друкуецца з дазволу біскупа Петра Янэцкага

Пожалуй, у любого политика всегда найдется несколько эпизодов политической биографии, которые он предпочитает не вспоминать. Но содеянное остаётся в истории — оно никогда не исчезает бесследно. История — это не только человеческая память, но и многочисленные письменные источники, хранящиеся в общественных и личных библиотеках и архивах. И как бы ни стремились политики — особенно диктаторы — обелить и преувеличить свою роль в происходящих событиях и даже переписать политическую историю страны — им никогда не удастся полностью достичь своей цели.

Сегодня мы предлагаем нашим читателям статью депутата Верховного Совета Республики Беларусь XII созыва Александра Лукашенко «Диктатура: белорусский вариант?», опубликованную в мае 1991 года, за несколько месяцев до Августовского путча. В ней будущий президент предстаёт политиком, ревностно выступающим за демократические ценности и суверенитет нашей страны. Большинство даже искушенных в политике людей, которым мы давали её читать, полагало, что она, несомненно, написана каким-нибудь членом парламентской оппозиции БНФ.

Хорошо, что история судит о человеке не по словам — сколь сладкими бы они ни были — а по делам, и кто-то в ней оставит след, а кто-то просто наследит.

Редакция

ДИКТАТУРА: БЕЛОРУССКИЙ ВАРИАНТ?

Я настойчиво предлагаю эту статью «Народной газете» после того, как многие мысли изложил с трибуны сессии Верховного Совета БССР. Предлагаю потому, что полная трансляция выступлений не ведётся, а я хочу довести до широких народных масс и ту точку зрения на решение сложнейших задач дня, которая не поддерживается в обсуждаемой парламентом государственной программе, разработанной правительством республики.

Александр ЛУКАШЕНКО,
депутат Верховного Совета XII созыва

У каждого из нас, прибывших на четвертую сессию, наверное, есть что сказать, чем поделиться. А самое главное — реально, исходя из сложившейся обстановки в республике, найти правильное решение.

Правда, уже первые дни этой сессии показали, что это решение найти очень и очень сложно. И в первую очередь, скажу прямо, решить такую задачу не позволяют «принципы», которые яростно защищают многие депутаты как со стороны партийной группы, так и со стороны оппозиции парламента. Не знаю, как кто, а я на все это смотрю с болью. Ведь в итоге не принципы нужны сегодня нашим людям, а защита от натиска бешеных цен на продовольственные и промышленные товары, разгула преступности и многого другого, что в последнее время морально и психологически ломает человека. Я очень надеялся на моих коллег, депутатов-коммунистов, составляющих большинство нашего парламента. Думаю, такую надежду питали и наши избиратели. Но в отличие от своих избирателей я еще до открытия сессии узнал, что и на этот раз будет действовать такой же сценарий, как и раньше, но еще более продуманный и непримиримый.

А иначе и быть не могло. Я что-то не припомню такого, чтобы руководство ЦК КПБ так целенаправленно и массированно напичкивало нас, депутатов-коммунистов, инструкциями и требованиями, а кое-где пыталось и пытается даже запугать. Это же факт — на встрече с народными депутатами в г. Могилеве секретарь ЦК КПБ т. Камай А. С. нам, коммунистам, не постеснялся сказать, что, если верх возьмет оппозиция и те, кто ее поддерживает в Белоруссии, нас отправят на Колыму. С этим я категорически не согласился, чем озадачил, как мне кажется, Алексея Степановича. Вообще, уже до смешного доходит, когда постоянно повторяют одно и то же: оппозиция в Верховном Совете — это чудовище, а те, кто ее поддерживает среди жителей Белоруссии, — деструктивные элементы. Что ни говорите, а мне думается, что это уже последние аргументы власть имущих. Хотя, если посмотреть без оглядки на то, что власть партийная девальвировалась, и она уже для большинства наших людей ничего не значит, надо было бы всем нам начать на этой сессии работать на свой народ. Это люди бы увидели и все поняли бы. Тем более, что отступать уже некуда.

Но вот мы приступили к работе. Начали обсуждать повестку сессии, в которой, как подчеркнул наш Председатель Н. И. Дементей, главным является государственная программа по социальной защите населения и стабилизации экономики. Я в первый же день при обсуждении этого пункта предложил не рассматривать Программу, мотивируя тем, что она является повторением, притом в худшем виде, «Программы перехода БССР к рыночной экономике», которую мы утвердили в октябре 1990 года. Если вас, читатель, не затруднит, возьмите и сопоставьте их. Они печатались в газетах. Какой бы раздел ни взяли, то ли «Обоснование перехода к рыночным отношениям», то ли «Сценарий перехода к рынку», «Разгосударствление, приватизация, монополизация», «Развитие предпринимательства», «Развитие рыночной инфраструктуры» «Меры по защите населения» и другие — почти все один к одному сходятся с прошлой программой. Так нужно ли снова возвращаться к старым идеям? А не лучше было бы спросить наше правительство за её выполнение? Нет, нам снова навязывают еще одну программу, в которой диктаторские, командные методы так и прут на нас.

Программа, я считаю, противоречива, идея рынка в ней дискредитируется и исключается методами ее реализации. Изучаешь и диву даёшься декларативности её. Такое впечатление, что писалась она не в Белоруссии, которая знает требования рабочего класса. В этом документе сплошные противопоставления уже принятым законам «О предприятиях в БССР» (в части использования средств, свободы производить предприятиями, распоряжаться ресурсами и т. д.), «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в БССР» (местные бюджеты, управление, кадры и т. д.) и т. д. Скажу больше — программа расточительна. Она требует создания новых министерств, комитетов и программ (комитета) по развитию и поддержке предпринимательства; антимонопольного комитета; ассоциации независимых экспертов и т. д. Снова, как и в предыдущей, в этой программе многие основные вопросы упираются в компетенцию Союза и разрешения на уровне Центра не находят. Нет в ней подтверждения, что Белоруссия — суверенное государство, о чем уже сказано в заявлении 9+1, которое подписано и нашим Правительством. Отрицание суверенитета будет продлением наших мук. И я не понимаю тех депутатов, которые упорно уходят от решения этого вопроса. Но, как говорят, от себя не убежишь. И не важно, кто первым эту идею предложил. И надо согласиться, что она имеет право на жизнь и за ней будущее нашей Белоруссии в союзе государств, с которыми мы жили и будем жить.

Говоря обо всем этом, нельзя не сказать о том, что же все-таки, на мой взгляд, необходимо нам, Верховному Совету, в этой сложной политической и экономической ситуации делать.

Сколько бы мы ни рассуждали, сколько бы ни предъявляли друг к другу претензий, какие бы аргументы ни выдвигали, я думаю, путь у нас всё же один — реализовать программу перехода к рыночным отношениям, принятую на второй внеочередной сессии Верховного Совета. Но для этого нужно, чтобы народные депутаты, особенно представляющие большинство в Верховном Совете, определились наконец в главном: что будем проповедовать — плановую экономику или рынок. Может, и некорректно я поступлю, но напомню, что учебники по научному коммунизму трактуют общество плановой экономики, где все «для блага человека и во имя его», где действует жесткая централизация, общественная собственность на средства производства при авангардной и руководящей роли КПСС.

Рынок — это не только государственная, но и частная (личная) собственность, свобода предпринимательства, конкуренция как двигатель производства, свободное ценообразование. Управление экономикой со стороны государства осуществляется путем налогообложения, наиболее значимые отрасли получают определенные льготы.

Нам всю жизнь вбивали в голову, что там эксплуатация, там человек ничто... . А оказалось? В наше общество всеобщего благоденствия оттуда никто не рвется, а мы... . Вот так определяется значение этих слов, а по сути — образов жизни.

Так что же должен делать Верховный Совет?

Мы должны принимать конкретные законы и механизмы их реализации и добиться от правительства, руководства республики реализации этих законов.

Не влазить впредь в авантюры (в такие, как мы «влезли» с розничными ценами, административно их повысив), не диктовать производству, а помочь ему ресурсами. Далее. Нашим руководителям не следует стоять в болоте на двух кочках сразу, разведя ноги шире плеч, и совершать попытку прыгнуть неведомо куда. Со всей ответственностью хочу сказать: то, что предложило в Программе правительство и его премьер, — это диктатура в экономике и политике, удушение того лучшего, чего достигли в тяжелых муках за последнее время. Что я имею в виду? Во-первых, если взять производственную сферу, то мы в Программе увидим, что госзаказ и цены устанавливаются административным порядком. То есть, что я и мой коллектив произведет, правительство сегодня заберет, завезет туда, куда ему надо, заплатит мне столько, сколько захочет. Ответственности правительство никакой не несет. Материальное обеспечение госзаказа в Программе в виде ответственности правительства не предусмотрено.

Во-вторых. Где свобода предпринимательства? Где свобода торговать? Где свобода установления цен? Голого администрирования мы уже наелись тогда, когда зафиксировали цены в сельском хозяйстве и превратили эту отрасль в ничто. Мы его практически развалили, и только потому, что мы проводим неправильную политику цен.

В-третьих, экономический популизм. Зарплату увеличиваем в два раза. Всех защитим (правда, неизвестно, от кого?). Кстати, за счет чего? За счет падения производства, за счёт десятков тонн не подкрепленных товарами «пустых» денег? К чему это ведет?

Явно к инфляции, к нищете. Если это попытка погасить массовое недовольство и протянуть на своих должностях еще несколько лет — тогда понятно. Если это политика, то, я считаю, она антинародная. Если кто не согласен с моим мнением — пусть опровергнет.

Вывод один: расширенного производства нет, мы сегодня пожираем сами себя, всё идет на потребление.

В-четвертых. Обнищание села. Ужасные условия проживания людей в деревне. Попытка решить за счет деревни государственные проблемы, и это уже длится не первый десяток лет. Да, сегодня крестьяне не бастуют. Они поставлены в такие условия, что бастовать не могут. Поэтому та политика, которая долгие годы проводится, привела к обнищанию деревни. В программе же ни слова нет о частной собственности на землю наравне с государственной. Я уже неоднократно говорил на сессиях и скажу еще раз, что Кодекс о земле мы приняли слабенький. Его забыли сразу же после принятия. Пока мы не дали крестьянину того, что сегодня еще осталось для спасения нашей жизни, — землю. Доходит дело до абсурда. К примеру, сегодня десятки тысяч минчан обращаются с заявлениями в исполкомы г. Минска, Минского райисполкома о выделении десяти соток земли для выращивания овощей. Но нигде не могут пробить бюрократическую стену. Один из народных депутатов несколько дней назад позвонил первому заместителю председателя Минского райисполкома г. Рябушко М. И. с тем, чтобы выяснить ситуацию. Товарищ Рябушко, нисколько не смущаясь, ответил, что если всем желающим минчанам выделять землю, то исчезнет район. Думаю, что данная позиция в комментариях не нуждается. И это происходит в то время, когда тысячи гектаров земли в Белоруссии плохо обрабатываются, зарастают кустами и интенсивно не используются. В то же время полки магазинов почти пусты, без овощей. Зато оппоненты приводят впечатляющие цифры собранного картофеля, произведенных мяса, молока, а на полках магазинов не густо.

Где социальная справедливость? Почему сегодня к депутату приходят люди и ставят один н тот же вопрос: почему не дают кусок земли? Почему сегодня кое-кто может и покупает черные «Волги», «Жигули», строит трехэтажные дачи? Почему «распределитель» в торговле, который сегодня существует, стал исключительно чиновничьим? Где эта справедливость, которую мы обещали на предвыборных собраниях нашему народу?! Кому сегодня правительство жалуется, что в магазинах ничего нет? Скажите, какие чрезвычайные полномочия нужны товарищам Дементею Н. И. и Кебичу В. Ф., чтобы обеспечить минчан десятью сотками земли? Скажите, кому нужна такая власть, которая не хочет помочь человеку спастись от голода? Куда мы идем? Достигнем ли мы такими мерами стабильности общественно-политической ситуации?

Я хотел бы привести слова А. А. Малофеева, опубликованные в газете «Звязда» 21 мая с. г.: «Если говорить о чрезвычайном положении, то человека, который соблюдает законы и поддерживает мирное развитие демократических процессов, оно не должно пугать». Это он говорил после того, как выступил на Пленуме ЦК КПСС с требованием для спасения страны ввести чрезвычайное положение. Удивляюсь, неужели первый секретарь ЦК КПБ не понимает, что это значит для людей, которые будут ограничены в своих действиях? Неужели наш покорный, тру-

АРХИВ: ИСТОРИЯ АВТОРИТАРИЗМА

долюбивый народ заслужил такого отношения? Так и хочется сказать Анатолию Александровичу, что забастовки рабочих ничем, кроме как решением их требований вместе с ними, никакой силой, никакими ограничениями не решить. Другое дело, что чрезвычайное положение поможет удержаться бездарным руководителям у власти еще некоторое время — это так. Но не надолго. Наш народ хочет жить свободно, не боясь, работать на себя, своих детей, а не на многочисленную номенклатуру и бюрократию. И вернуть его в то состояние, в котором он жил 73 года, я убежден, уже невозможно. Но если и вводить чрезвычайное положение, то я предложил бы нашим руководителям республики поменяться местами, а потом посмотрим, что делать. Я и мои избиратели не желают строем ходить на работу и дрожать всё время от страха, ожидая за какую-нибудь инициативу наказания.

И последнее. Вот ещё и ещё раз просматриваю повестку дня сессии. И снова задаюсь вопросом: что же нам еще предлагают? А предлагают вопросы о чрезвычайных мерах по бюджету, о режиме чрезвычайного положения, о президенте, о порядке отзыва народных депутатов, о перераспределении полномочий между высшими государственными органами. А к этому еще меры, предлагаемые программой. Среди них: Совмин перераспределяет бюджет; 20 процентов стоимости продукции, реализовываемой за пределами Белоруссии, поступает в бюджет; закрыть бюджетные финансирования всех объектов строительства, которые не начаты до 1 мая 1991 года; штраф за вновь начинаемое строительство; расширение объектов производственного назначения; сокращение приема студентов; лимиты для предприятий по содержанию административного аппарата. Что, правительство сегодня знает, сколько мне держать за собственные деньги управленческого аппарата? Далее. Банкам направлять кредиты туда, куда Совмин укажет. Запретить участие исполкомов, местных Советов в коммерческих банках средствами бюджета. А если это приносит большую прибыль бюджету? Мораторий на повышение розничных цен ставит крест на либерализации цен, о которых мы говорили на второй внеочередной сессии. Госплану разрешается отменять необоснованные цены, лишать предприятия права договорных цен. Штрафы на должностных лиц. Излишне полученные доходы у предприятий изымаются и т. д.

А в завершение: я целях повышения исполнительской дисциплины (непонятно, какой исполнительской дисциплины?) и ответственности предоставить Совмину право чрезвычайных мер: назначать и смещать руководителей министерств, ведомств, исполнительных органов власти, предприятий и организаций (осталось добавить — Президента СССР, о котором уже на сессии говорили). Вывод один: налицо белорусский вариант диктатуры в экономике и в политике. Это даже не первый шаг. Это будет уже несколько шагов, если примем эти документы.

Я считаю, мы много приняли ошибочных законов, мы много приняли неправильных вариантов, мы во многом шли по ложному пути. Народ нас поймет. Но если мы сегодня примем то, что нам предложено, как бы мы ни называли — правительственная программа или государственная — это явная диктатура.

Снова и снова убеждаюсь, что, решившись шесть лет назад на перестройку, демократизацию общества, надо было начинать с людей, душой и сердцем поддержавших новое. А мы хотели совершить перемены руками тех, кто довел страну до ручки. Увидев, чем грозит это новое, сегодня они, используя трудности и хаос, которые сами же и создали (ведь смотрите: у нас в Белоруссии нет нигде у руководства новых сил, везде кадры тех «золотых» лет), убеждают своей пропагандой, что к этому привели демократы. Ведь основные средства массовой информации до сих пор в их руках. Хочу сказать однозначно и успокоить тех, кто хочет перемен: демократически настроенные депутаты в Верховном Совете работают на совесть. Если же что-то порой не получается, то не из-за того, что не хотим, а потому, что сегодня нас пока еще меньшинство. Народ должен понять, что нам очень и очень нелегко. Наши силы всегда укрепляет то, что мы чувствуем поддержку наших избирателей. Вместе мы сила. И когда своими действиями власть имущие консервативные силы пытаются вернуть нас к прошлому и кто-то думает, что жизнь при этом будет лучше, — отбросьте эти мысли. Мы-то, может, и протянем. Но что оставим нашим детям?

Впервые напечатано в «Народной газете» за 25 мая 1991 года в рубрике «Позиция».

SUMMARY

Editorial Page

The bulletin Chief Editor sheds light on the issue about correlation of scientific progress, political democracy and morals, which was raised for discussion in the 18-th century. To the author's mind, scientific progress, spread of voting right alongside with democracy of western type does not bring about increase in level of morals in a society, does not surely do people life safer. The example of that fact was both French Revolution at the end of the 18-th century and Russian October upheaval in 1917. They caused death, misery and suffering of many millions of people. Particularly, the author stresses danger of ideologies which declared necessity of re-building the world. Firstly, communism and fascism are the ideologies of the kind, they turn down no means and methods to reach their aims. That is why people should struggle against any signs of such ideologies.

Belarusian National Idea

by Stanislav Bogdankevich

Chairman of the United Civil Party (UCP) professor Stanislav Bogdankevich's report in the Congress of Democratic Forces in Minsk on 29-30, January, 1999 was devoted to Belarusian National Idea. As Stanislav Bogdankevich supposes, Belarusian National Idea first of all is absolute sovereignty of Belarus, the citizens' right to make decisions about their destiny, revival of their spiritual and moral principles, encouraging of national culture, formation of prosperous civil society and democratic, legal state, the main aim of which is to provide its citizens with all necessary rights and freedoms. Nowadays, according to Stanislav Bogdankevich's opinion, the basic obstacle for the National Idea realization is president Lukashenko authoritarian regime which leans on overcrowded power bodies, on a part of pensioners and orthodox communists. At the end of his report the leader of UCP expressed his confidence that Belarusian people are able to implement their National Idea, defend the State status and their freedom.

Political Development and the National and State Interests of the Republic of Belarus (1988-1996)

by Valery Karbalevich

Defining the national interests of Belarus, according to Karbalevich, is difficult for three reasons. First, Belarus is a young state and its concept of national security and foreign policy should be formulated virtually from scratch. Second, the country is undergoing a transformation of social and political system from totalitarianism to democracy. Third, there is a realignment of geopolitical situation in Europe caused by the unification of Germany and the break-up of the Warsaw pact.

Author scrutinizes the peculiarities of achievement of independence by Belarus and the influence of political development on the formulation of national and state interests. The reanimation of a state administrative system, which started with accession of Alexander Lukashenko to power, the rejection of Belarusization, games around the integration with Russia all prove, according to Karbalevich, the crisis of a national idea. Nevertheless, author believes that the search for own national interests by the Belarusian society has not ended. It is continuing, further and more deeply polarizing the society and elites.

Major concepts of human rights: a political scientist's view

by Mikhail Plisko

The article of editor-in-chief of Open Society bulletin analyzes three major concepts of human rights: liberal, populist, and conservative.

The liberal concept is based on the ideas of natural rights of a man and of a social contract. It is experiencing the second birth in Central and Eastern Europe. The importance of this concept is considered by the author in is moral justification of a struggle of the people for their rights and in its guaranteeing them from the abuse of an authoritarian and despotic power.

Bringing to life of the populist understanding of human rights and its demand for subordination to the «general will», in the author's belief, will inevitably lead to the absorption of a civil society by the state. The unlimited power of a crowd always lead to its self-enslavement. This means, that the rights of an individual person can be violated for the sake of the interests of a state, a dictatorship of proletariat, a nation, a leader, an arythmetic majority of citizens.

Conservatism considers natural human rights and freedoms as necessary but not sufficient conditions for a normal social development. It offers a well-grounded claim on production of a meaningful ideal, whose foundations are mostly seen in the divine beginning, in history, culture, and traditions. The conservatives believe that the liberals are partly responsible for social experiments, which were and are carried out by political parties and public figures armed with populist ideas. In reality, under a certain coincidence of circumstances, liberalism can develop into democratism and common will can prevail over a feeble and insufficiently ontologically grounded theory of natural grounds. Not trusting the dream of reason, which is capable of creating Leviathan, the conservatives consider that following the eternal foundations proclaimed in religious doctrines, and the strength of traditional foundations, are the best instrument of protection from mass violations of human rights, so abundant in the 20th century.

Human rights in the public doctrine of Catholic Church

by Piotr Janiecki

The Third Conference on Human Rights took place in Warsaw in October 1998. Its work was dedicated to the 50th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights. Among interesting speeches at the conference there was a report by Bishop Piotr Janiecki delivered by him at the plenary session. There, Bishop Jjaniecki gave a detailed statement of the human rights concept of Catholic Church, which is little known for Belarusian readers. Bishop acknowledged that Catholic Church did not always actively defended human rights. Having given a positive evaluation to the Universal Declaration of Human Rights, he paid attention to some drawbacks. The most important of them is the absence of a philosophical fundament of human rights. This happened because the document was created as an ideological compromise on the human rights problem. According to Janiecki, the Declaration does not contain a philosophical argumentation of human rights, that is why it can be interpreted in different ways and therefore to become a formal document. This drawback was avoided by Catholic Church, as it considers a human being as an absolute transcedental value created by God.

Dictatorship: a Belarusian variant?

by Alexander Lukashenko

In the article published in May 1991, future President A.Lukashenko appears as a zealous democrat, mercylessy stigmatizing the Communist majority in the Supreme Council. Current democratic leaders could envy his arguments in defence of democratic values and of national independence. Lukashenko portrays himself as a proponent of freedom of enterprise, free trade and even of private (!) ownership on land. Then MP Lukashenko rejected an idea that the Council of Ministers could be granted some extraordinary powers, such as appointment and dismissal of heads of ministries, regional executive committees, enterprises and organizations.»If the deputies do not resist this attempt,» future President said, «the foundation of the Belarusian variant of dictatorship would be obvious.» With special harshness Lukashenko criticized then first secretary of the Central Committee of the Communist Party of Byelorussia A.Malofeev, now speaker of the lower chamber of the pro-Lukashenko pseudoparliament, who called to introduce the state of emergency for the sake of salvation of the country. «Does our compliant, hard-working people deserves such treatment?» pathetically asked Lukashenko, adding «Cannot the first secretary understand what this means for the people who will be limited in their activity?»

Fortunately, paper cannot blush, otherwise it would have blushed from such open and impudent lie. Lukashenko has implemented the mirror image of his «democratic» program. In past it was easier for him to reach the heights of state power portraying himself as a democrat.

НАШИ АВТОРЫ

БОГДАНКЕВИЧ Станислав Антонович, доктор экономических наук, профессор, председатель Объединённой гражданской партии, депутат Верховного Совета Республики Беларусь, член правления Фонда «Адкрытае грамадства».

КАРБАЛЕВИЧ Валерий Иванович, кандидат исторических наук, один из видных политологов Беларуси, главный эксперт Национального центра стратегических инициатив «Восток-Запад», один из руководителей политического дискуссионного клуба «Современник» во второй половине 80-х гг.

ЛУКАШЕНКО Александр Григорьевич, президент Республики Беларусь, бывший директор совхоза «Городец» и соперник Вячеслава Кебича на выборах народных депутатов СССР в 1989 году. С 1990 года депутат Верховного Совета Республики Беларусь, в 1994 году был избран президентом страны на пятилетний срок.

ПЛИСКО Михаил Казимирович, политолог, главный редактор бюллетеня «Адкрытае грамадства», член Политсовета Объединённой гражданской партии, один из инициаторов создания Фонда «Открытое общество».

ЯНЕЦКИ Пётр, епископ, известный деятель католической церкви Польши, участник III Международной конференции по правам человека в Варшаве (октябрь 1998 года).

OUR AUTHORS

Stanislav BOHDANKEVICH, Doctor of Economy, professor, the chairman of the United Civil Party, the deputy of the Supreme Soviet of the Republic of Belarus, the member of the Steering Committee of «Open Society» foundation.

Valery KARBALEVICH, Ph.D. in History, one of the leading political scientists in Belarus, senior expert of National Center of Strategic Initiatives «East-West» one of the leaders of «Contemporary» discussion club in the second half of the 80-s.

Alexander LUKASHENKO, President of the Republic of Belarus, former director of Gorodets collective farm and opponent of Vyacheslav Kebich at the elections to Soviet Parliament in 1989. Since 1990, deputy of the Supreme Council of Belarus, in 1994 was elected President of Belarus for the five-year term.

Mikhail PLISKO, political scientist, editor-in-chief of the bulletin «Open Society,» member of the Political Council of the United Civil Party, one of the founders of «Open Society» foundation.

Piotr JANIECKI, bishop, famous cleric of the Catholic Church in Poland, participant of the Third International Conference on Human Rights in Warsaw (October 1998).

Перечень материалов, содержащихся в 1-5 №№ бюллетеня «Адкрытае грамадства» за 1998 г.

Contents of previous issues of the «Open Society» bulletin

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С января 1998 года Фонд «Адкрытае грамадства» издает информационно-аналитический бюллетень, который по решению правления Фонда получил одноимённое название — «Адкрытае грамадства». В бюллетене публикуются как специально написанные для «Адкрытага грамадства» оригинальные статьи и исследования по обществоведческой проблематике Беларуси, так и наиболее интересные материалы из других аналитических и периодических изданий.

В настоящее время бюллетень «Адкрытае грамадства» бесплатно рассылается видным политикам, экономистам, социологам, политологам и публицистам как в Беларуси, так и за её пределами.

Кроме текущего номера редакция имеет возможность выслать по электронной почте материалы, содержащиеся в предыдущих номерах бюллетеня, а также ксерокопии отдельных статей. Адрес бюллетеня в Internet: www.data.minsk.by/opensociety.

Желающие опубликовать свои материалы в бюллетене «Адкрытае грамадства» должны предоставлять их на дискетах (3,5 дюйма), а также по электронной почте в текстовом формате или в формате Word (6.0 и 7.0) объёмом, не превышающим 15 страниц компьютерного набора шрифтом Times New Roman Cyr или Arial Cyr (12 кегль).

Рукописи, машинописные материалы, распечатки, сделанные на принтере, не рецензируются и обратно не высылаются.

Редакция «Адкрытае грамадства» надеется, что знакомство с материалами нашего издания будет для Вас полезным и окажет помощь в Вашей работе. Будем Вам очень признательны, если Вы направите в адрес редакции предложения, которые позволят сделать бюллетень более содержательным и интересным.

DEAR READERS!

The Open Society Foundation publishes its information and analytical bulletin since January 1998. The bulletin was renamed as Open Society according to the decision of the Board of the Foundation. The bulletin includes both original articles that were exclusively written for the «Open Society» and the most interesting publications from other analytical periodicals.

Nowadays, the «Open Society» bulletin is sent free of charge via e-mail to prominent political figures, economists, sociologists, political scientists, and publicists in Belarus and abroad.

We can send you the contents of previous bulletins via electronic mail or in photocopies. If you wish to publish in the «Open Society» bulletin, please present your material (15 pages maximum, font Times New Roman Cyr or Arial Cyr, font size 12) on floppy disc (3.5") or send it via e-mail in Word format (6.0 or 7.0).

We do not review and do not send back manuscripts, typewrote materials, or printouts.

The editor of the «Open Society» bulletin hopes that your acquaintance with our edition will be fruitful and helpful in your work. Your comments and advise about the ways to improve the quality of the bulletin and to make its content more interesting are welcome.

Адкрытае грамадства, 1999, №1(6). Информационно-аналитический бюллетень.
Издается Фондом «Адкрытае грамадства» с января 1998 г. один раз в два месяца. Тир. 99 экз.
При перепечатке ссылка на бюллетень «Адкрытае грамадства» обязательна.
Мнения авторов опубликованных материалов могут не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор **Михаил ПЛИСКО**
Корректор **Алёна КОЛЕСНИКОВА**
Дизайн **Александр ВОЙСТРАХ**
Перевод на английский язык **Виталий СИЛИЦКИЙ**

Адрес для почтовой корреспонденции: 220033 г. Минск, а/я 194, Фонд «Адкрытае грамадства»
Телефон для связи: + 017-283-74-50. Факс: + 017-227-29-12
E-mail: opensociety@ data.minsk.by
Адрес в Internet:www.data.minsk.by/opensociety
Изготовлено на оборудовании Фонда «Адкрытае грамадства».
Распространяется бесплатно на правах внутренней документации.